

детектив
мелодрама

Талина
РОМАНОВА

Тайна,
приносящая
смерть



Дамский детектив (ЭКСМО)

Галина Романова

Тайна, приносящая смерть

«ЭКСМО»

2011

Романова Г. В.

Тайна, приносящая смерть / Г. В. Романова — «Эксмо»,
2011 — (Дамский детектив (Эксмо))

ISBN 978-5-699-47306-9

В небольшой деревеньке на краю обрыва возле заросшего пруда найдено тело красивой молодой женщины. В ту ночь Мария, счастливая и нарядная, спешила на свидание к жениху, но так на него и не пришла. Свидетелей преступления, как водится, нет, да еще и участковый, похоже, только чинит препятствия городской следственной бригаде. А как прикажете искать убийцу, если местные жители сотрудничать со следствием не хотят, а из улик – только подвеска из старинного золота с изумрудиком, которую сжимала в руке Мария? Интересно, откуда у еле сводящей концы с концами Маши такая дорогая вещица? И почему больше всего по ней горюет местный библиотекарь, а не суженый?.. Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-47306-9

© Романова Г. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Галина Романова

Тайна, приносящая смерть

Глава 1

Георгий Иванович Степушкин, в миру Жоржик, Жорик, или просто Жорка, а в блатном, преступном мире – Гога, стоял под полуденным знойным солнцем, уливался потом посреди центральной площади и беспомощно крутил головой.

Куда подевалось это детективное агентство, в которое отослал его хитро выделанный следователь, он не знал. Ну не видел он вывески, век воли не видать, и все тут! А вывеска должна была быть, это следователь точно сказал и даже кулаком себя в грудь ударил.

– Там вас, Георгий Иванович, встретит милая дама – Дарья Дмитриевна Полукарова, – подталкивал он его в спину к выходу из кабинета. – Мы с ней уже созвонились. Она берется за ваше дело. Обещает решить все проблемы. Не бесплатно, конечно же.

– Как это не бесплатно? – Степушкин резко вдавил каблуки в пол, притормаживая. – Как не бесплатно, начальник? Тут, значит, за так, а там что же, деньги нужно платить за то, что падлу, что меня ограбила, искать станут?! А тут за так ты не хочешь? Ишь, как устроился, здорово!

Вот тогда-то следователь Топорков и глянул на него с проникновенностью, все объясняющей.

«Что ты, идиот, о себе возомнил? – прочитал Степушкин то, что первой бегущей строкой проползло в серых невзрачных следовательских глазах. – Кто станет искать твои сраные цапки, которые ты сам украл и за которые ты уже к тому же и отсидеть успел? Кому на хрен нужно возиться с этим говном? Кому охота не спать, ноги обивать или свой бензин лить в казенную машину, потому что лишней капли никто не даст из-за твоего уродского грабежа? Кому охота портить показатели за квартал твоим глухарем? А ведь никто не найдет твоего добра, никто! Как не нашел его никто, когда ограбленный антиквар бился в истерике, так не найдут его и теперь! Не хочешь платить в детективном агентстве, пошел тогда на...»

Очень доходчиво и красноречиво глянул на него следователь Топорков. И снова подтолкнул в спину.

– Ладно... – проворчал Степушкин. – Пойду, найду твою Дарью Дмитриевну. Только ведь баба, чего она знать-то может? Чего найдет-то? Только перевод деньгам!

– Есть выбор? – поиграл бровями Топорков и с облегчением выпроводил его за порог своего кабинета.

Степушкин пошел к центру города пешком. Своя машина давно была продана. Как первый раз в дурку загремел, так и продал. Тут как раз так совпало, что права нужно было менять, стало быть, нужно было проходить комиссию. А кто станет ему справку делать с таким-то диагнозом? Никто. Вот он машину и продал. На такси теперь ездил, общественным транспортом пользоваться научился, пешком ходить опять же не брезговал. И совсем, к слову, не горевал. Иногда даже нравилось в битком набитом автобусе потолкаться.

Народ-то, он болтливый кругом. Хорошо, если кто один едет, тот просто хмурит брови и негодует про себя потихонечку. А если компанией кто в автобус завалил? Да если еще и навеселе. Ох-ох-ох, тут только слушай, не зевай. Таких новостей можно послушаться. И про незнакомых людишек, и про тех, кого когда-то знал. И про тех, кого узнать вдруг захотелось.

Однажды, страх признаться, услышал, что знакомые шумных пассажиров уезжают на отдых на три недели. И уезжают уже через пару дней, а завтра будто бы всех собирают на вечеринку. И пассажиры, не стесняясь, адресом обменялись и номером их домашнего теле-

фона снабдили друг друга, записав под диктовку. Как-то же надо было созваниваться, уточнять время гулянки и все такое.

Степушкин не записывал, он запомнил и так. И адрес, и телефон. И потом через четыре дня прозвонил квартиру. Потом понаблюдал за ней, установил, что никого присматривать за домом хозяева не оставили, а потом взял и обнес ее.

Все не стал брать. Зачем ему норковая шуба, к примеру, или кожаная косуха? Что он с ней делать-то станет? Сбыта у него теперь не было. Для блатных он давно завязал. Как первый раз в дурку загремел, так и объявил, что в завязке. Так что сбывать добро было некому. А стало быть, и брать его не стоило.

Чем не побрезговал?

Маленький плоский телевизор снял с кухонной стены, приемник портативный красивый из детской комнаты. Денег немного нашел – тысяч двадцать в рублях, не больше, видимо, все увезли на отдых, а что не увезли, то по банкам рассовали. Продуктов долгого хранения вынес сумчищу целую, вина, водки, виски. Вот и вся его добыча. Украшения тоже не стал брать, опять же по той самой причине, что сбывать некуда, а дарить некому.

Потом дома рассовал трофеи по подвалу, холодильнику и шкафам, подсоединил приемник с телевизором, свой старый оттащил на помойку уже ночью. Покушал, выпил хорошо, похвалил себя за ум и отсутствие алчности и спать лег удовлетворенным вполне.

А что он сделал не так? Все же по-честному! Лишнего не взял, зачем? А что взял, то хозяевам не в убыток будет, быстро окупится и восполнится.

Таковыми же соображениями, видимо, руководствовался и тот вор, что обчистил его самого. Ничего не тронул лишнего. Техники дома новомодной завалились – не взял. Одежда, ковры, посуда, все новехонькое – не тронул. Деньги в тайнике не нашел. Тайник он и сам порой находил с трудом, путаясь в кирпичной кладке. То ли на четвертый снизу, восьмой слева кирпич надо надавить, то ли наоборот – восьмой снизу и четвертый слева.

Деньги остались целыми. А вот ценности пропали.

Георгий Иванович Степушкин тяжело, с надрывом вздохнул.

Как же жаль ему того добра, как же жаль!!! Он ведь последний срок мотал за него. На нарах корчился и грел себя под куцым одеялом одной-единственной мыслью, что когда выйдет, то...

Применения антикварным ценностям не нашлось по день грабежа, как ни странно. Да он его и не искал. Где-то на уровне подсознания, еще когда грабил того старого известного антиквара, он лелеял глупую совершенно идею оставить все его добро себе. Захотелось вдруг владеть всем этим сказочным богатством, жить среди этой дорогой старинной роскоши. Трогать ее руками, примерять на себя. Захотелось обставить свою жизнь так, как она была обставлена у этого странного седого старика, снующего по квартире в рваных стоптанных тапках и выцветшем рваном в подмышках халате.

Применил, идиот старый? Все потрогал? Наслаждался?

Георгий Иванович решил пройти вдоль домов, что кольцевали площадь. Может, и обнаружится вывеска с замысловатым названием. Если нет, стало быть, соврал ему следователь. Соврал, чтобы выпроводить и команду затем в дежурной части оставить – не пускать гражданина такого-то и такого-то по причине его невменяемости и неуравновешенности.

Нашлась! Нашлась вывеска! Неброская, потому сразу и не заметил. Невеликих размеров, но явно что дорогая, намекающая на солидность и основательность.

Степушкин поднялся тремя ступеньками к массивной двери, дернул за ручку. Дверь мягко поддалась. Сразу за дверью турникет, охранник вскочил со стула, потребовал документы. Предъявил, что ему, жалко, что ли. И даже сказал, что его должны ждать. Охранник сунулся в пустой журнал с одной-единственной заполненной верхней строчкой. Покивал важно:

– Проходите. – И запустил в движение преграждающий путь турникет. – Дарья Дмитриевна вас ждет.

Девочка была прехорошенькой. Степушкин аж слюну сглотнул, до того ему девочка понравилась. Высокая, ножки – струнки. Попка, юбочкой обтянутая, аккуратная, ручки ухоженные. Короткая стрижка, симпатичное молодое лицо. Степушкин чуть было не повернул обратно.

Разве могла такая красotka соображать и искать преступников? Такой только под руку с богатым фраером прогуливаться по тусовкам и площадям городским. Хрустеть карамельками да, прости господи, по команде юбчонку задирать. Что она смыслить может?

Глазки Дарьи Дмитриевны его остановили. Умненькие такие, въедливые. Такие, что не смотрят, а внутренности твои перебирают с последующей сортировкой. Такие глазки подвести не могли, это точно. И в такие Степушкин за долгую свою уголовную жизнь насмотрелся вдоволь.

– Здравсте, Дарья Дмитриевна, – с полупоклоном поздоровался Георгий Иванович. – Можно присесть?

– Да-да, пожалуйста, – хозяйка просторного шикарно обставленного кабинета кивнула в сторону стула, выставленного посередине. – Присаживайтесь... Георгий Иванович Степушкин, если не ошибаюсь?

– Он самый, он самый, охрана и документ мой смотрела. – Степушкин вытянул из кармана штанов большой клетчатый носовой платок, прошелся по голому почти черепу. – Еле нашел вас, так спрятались... Вывеска незаметная опять же... И почему «Ванда»?

– Имя это такое женское, не слышали? – усмехнулась Полукарова.

Ну не рассказывать же было гостю, что название придумали, соединив половинки двух имен: Ваня и Даша. Вот и получилось: Ванда. Напарник смущался тому, что его имя первым стояло, настаивал на переименовании. Даша только отмахнулась:

– Пусть остается так, мне нравится.

Так и оставили.

– Имя... – Георгий Иванович пожевал губами. – Может, и слышал. Я много чего слышал за долгую жизнь. Слышали о моей беде?

– Немного.

– Поможете?

– Не знаю. Ничего не могу обещать заранее. Мне нужно знать все обстоятельства дела и...

– А мне нужно знать ваши расценки! – перебил ее Степушкин. – Может, зря и пришел? Может, у вас тут за день по тысяч десять нужно платить. И... Я человек старый, одинокий, бедный... Больной к тому же. Слышали о моей беде?

Врал безбожно!

Старым он лишь выглядел, проведя большую часть сознательной жизни в тюрьме. Оттого и сутуловат, и худоват был, волосы опять же растерял до срока. Одиноким тоже не мог считаться, бабы липли на него, как на варенье. Что им в нем было, он мог лишь догадываться.

Дом добротный? Да, это было. Приобретению он много времени и сил посвятил. Воровал, не тратил, не шиковал, копил тайком от напарников. Потом, выйдя в очередной раз, домик-то и прикупил, оформив на тетку свою престарелую. И оформлением договора ренты сразу в правах узаконился. Тетка, понятное дело, долго не протянула, померла. Дом перешел к Степушкину. В нем он и жил теперь, успев и надстроить, и перепланировать изрядно. Деньги-то были!

Ремонт забабалхал такой, как в телевизоре показывают. На мебель не поскупился. Не все же ему хрусткими нарами спину свою и ребра мять. Надо же когда-то и на мягком поваляться, и теплым укрыться. А роскошь он любил. Любил, чтобы все красиво было.

Эта-то вот любовь его и сгубила. Из-за нее, проклятой, он теперь и сидит перед этой симпатичной девчонкой, возглавляющей сыскарьское агентство со странным, совсем не подходящим случаю названием.

А бабы его...

Что бабы? Наглые они, оголтелые, алчные и до денег с угощением, и до ласк. А какие теперь у него могли быть? Только такие, какие же еще! О любви-то он теперь и не мечтал. Мечты все растерял по срокам и по ссылкам. Теперь только паскудницы жадные и грели его койку. Пару месяцев назад две такие вот столкнулись лбами на его огороде ночью, так полосовались, так полосовались, что хоть собак на них спускай.

– У вас есть собака? – словно услышав его мысли, спросила симпатяшка в обтягивающей юбочке.

– Что? Собака? Нет, собаки нет. А это вы к чему?

– Так, собаки нет, – записала Дарья Дмитриевна, глянула на него внимательно. – Живете один?

– Один.

– А гости? Гости случаются?

– Гости? Какие такие гости? – Степушкин осторожно пожал плечами.

Вот привычка многолетняя, куда от нее деваться! Вроде и по своей нужде и сам сюда пожаловал, а карт всех открывать не хочется. А собственно, о каких гостях речь? Каким гостям у него быть-то? Из прошлой жизни редко кто когда захаживал, не жаловал он их особо и уж точно не приглашал никогда.

Про баб ей своих рассказать? Так не поверит. Видел, видел, как носиком брезгливо подергала, когда он в кабинет к ней ввалился. Досье прочла и думает небось, что подзаборник он какой-нибудь. Портки опять же недорогие, штиблеты – прощай молодость, рубашонка не особо. А чего ему выпендриваться-то? С какой стати достатком своим перед носом у других помахивать? Чтобы повадно было в дом к нему лазить? Так слазили уже, хватит.

– Когда у вас в последний раз дома были гости? – терпеливо повторила свой вопрос Даша. – Послушайте, Георгий Иванович, ведь если вы не станете говорить со мной откровенно и честно, то я вряд ли смогу вам помочь. Мы же с вами не под протокол, что вы в самом-то деле! Сами пришли, а теперь недоговариваете.

– Что нужно-то? – неуверенно спросил Степушкин, уже жалея, что пришел.

Найти все равно ничего не найдут, дурак, что поверил в чудо. Подноготной всей этой девчонке знать тоже не надобно. Дружат они с тем следаком с мутными противными глазами. Что мешает Даше этой поделиться с ним сведениями? Да ничего! Контора ее с дурацким бабым названием сегодня есть, завтра развалится. А Степушкину потом жить...

– Мне нужно знать все! – мягко шлепнула аккуратной ладошкой по столу Дарья Дмитриевна. – Ваши контакты, все возможные посещения вашего дома, включая почтальонов и соцработников. Ну и... И бывших ваших коллег по цеху. Потом... Кто еще знал о том, что украденные вами вещи вы не продали в свое время? Знал или догадывался? Может, вы хвастались кому-то, показывали их, может, кто-то мог подсмотреть, как вы их мерили. Вы же делали фотографии, может, кто-то видел их. Вы готовы ответить на мои вопросы?

Степушкин глубоко и надолго задумался.

Да, глазки девчачьи его не обманули. Вона как сразу быка за рога и в стойло! Не стала ходить вокруг да около, а сразу ей и про контакты все выложи, и про гостей, и про блатных. Про все, про все.

Зачем затеял всю эту ерунду с расследованием, зачем? Ну, украли и украли, что с того! В конце концов, как пришли, так и ушли. Жил себе тихо. Тихо радовался. Тихо наслаждался тихим счастьем своим незамысловатым. А теперь что? Теперь станут это его счастье тихое снова по полкам расставивать? Станут рассовывать по папкам серого картона с замызган-

ными завязками. Папки будут пухнуть, наполняться, множиться. Его тихая и удобная, заслуженная долгими годами тюрьмы старость станет беспокойной. В нее начнут лезть все кому не лень и с ногами, и с рогами. И...

– Пойду я, – Степушкин вдруг вскочил со стула и потрусил к двери. – Спасибо вам, девушка, но я пойду.

– А что так-то, Георгий Иванович? – крикнула она ему вслед. – Передумали?

– Да-да, передумал, – покивал он.

Остановился возле двери. Еще раз обмахнул лысину носовым платком, поклонился старомодно и взялся за дверную ручку.

– Передумал я, точно передумал.

– А что конкретно передумали: украденное вами и у вас добро искать? Или снова в свою жизнь розыск пускать?

Ах, вот она как!.. Вот прямо под дых! Прямо в селезенку!

Степушкин не выдержал и даже пальцем ей с легким смешком погрозил. Вспотел так, что аж под коленками стало мокро.

Да, девочка и впрямь умна. Да как еще умна! Опомниться не дала, на обе лопатки разложила. Дай волю такой, найдет то, чего и искать не надобно. Что такого найдет-то?

А те самые деньги в тайнике, которые он сам порой ищет и найти не может. Деньги те у инкассаторов несколько лет назад отобраны были. Инкассаторов напарники постреляли, напарников самих ОМОН положил всех в перестрелке. А Степушкину тогда удалось скрыться. За рулем машины он был тогда, когда привлекли его на это дело по случайному случаю. Профиль-то был не его, так вышли на него случайно знакомые знакомых, порекомендовали. Его и взяли с собой на тот случай, если вдруг замок у инкассаторской машины вскрывать придется. Оговорили процент, его устроило, он согласие свое дал.

Замок вскрывать не пришлось. Инкассаторов положили, не сходя с места. Сумки с деньгами беспрепятственно в машину покидали, за рулем которой он сидел. Велели ему уезжать дворами. Встретиться должны были вечером в условленном месте. Он и уехал. И ждал потом добросовестно. Никто на стрелку не приехал. Ни этим днем, ни потом. Он целую неделю, как дурак, ездил туда, никто не явился. Потом уже из новостей узнал, что всех участников положили в перестрелке.

Трусил тогда Степушкин отчаянно и долго. Так и думал, так и ждал, что вот-вот на него выйдут. От каждого стука в дверь вздрагивал.

Не вышли на него! Никто его не сдал, если и остался кто из тех, что могли. Об оставшихся в живых и уцелевших в той перестрелке сведений никаких не было. Ни на воле у блатных, ни в тюрьме. Стало быть, всех положили тогда. А про него менты так и не узнали. Степушкин деньги-то тогда припрятал в доме, где еще тетка его престарелая проживала, и поспешил сесть за совсем дурацкую кражу. Надо было сесть ему тогда, очень надо.

Для всех он какую легенду сочинил?

Да вот на сумку бабки старой позарился, потому как денег не было ни копейки. Дело с инкассаторами не выгорело. Он прождал на машине за домами, а к нему никто не вышел, и сумки где с миллионами, он знать не знает. Потому вот и бабку обворовал, жрать-то на что-то надо.

Это он так блатным объяснял, клялся и божился, зуб давал. Вроде поверили, отстали. На зоне жил не тужил. Все больше слушал. А вдруг слух какой выползет про грабеж тот с перестрелкой? Может, взяли тогда менты кого? Может, осудили даже?

Нет, не было суда по тому громкому делу. И денег, болтали, не нашли. И участников ограбления, по разговору, всех перестреляли.

Степушкин долго потом еще дергался. И после сумки той бабкиной отсидел еще пару раз. Однажды за телефон мобильный, что совсем глупо было, но ему и срок дали смешной. А последний раз как раз вот за то самое добро, что у антиквара подрезал.

О деньгах с инкассаторской машины будто бы и позабыли. И, выждав пару лет после освобождения, Степушкин начал ими потихоньку пользоваться. Потихоньку, не внаглую. Он же умным был и стратегом неплохим. Понимал, что ежели начнет деньгами сорить, то сразу его почикают и свои, и менты, серии и номера похищенных денсредств наверняка были зафиксированы банкирами. Сразу все поймут, куда деньги те подевались. И не простят уже ни за что ему его самодеятельности и того, что на общак не отстегнул. И жить ему тогда останется часа полтора, а то и того меньше.

– Так что, Георгий Иванович, не станете говорить, так? – Дарья улыбалась понимающе. – И лгать вам неохота, потому как одна ложь повлечет за собой, несомненно, другую, и это все запутает. А всей правды вы мне говорить точно не хотите.

– А не хочу! – выпятил острый подбородок Степушкин, приложил два вытянутых пальца к несуществующему козырьку. – Бывайте здоровы, девушка. О просьбе моей забудьте. Не был я тут никогда.

– О как!

– Именно так, и никак иначе.

Степушкин вышел в чистенький коридорчик, прошел сквозь охрану, спустился тремя ступеньками с крыльца. И пошел по улице, без конца беспокояно оглядываясь.

Да, совершил просчет он, точно. Первый раз, наверное, просчет совершил такого плана. Не нужно было в ментовку идти, а потом и сюда, к девчужке этой симпатичной. Ну, осерчал, что цацки у него подрезали, с кем не бывает. Ну, побесился, наорал на пустой дом, побегал по комнатам, и это случается.

Зачем, зачем было в мусарню-то топать?! Все слил! Всю информацию на самого себя слил! Про добро то антикварное он ведь тоже скрывал ото всех. Втягивал голову в плечи, виновато улыбался паханам и гнул, что менты то добро по себе растащили, а на него все спихнули. Потому и впихнули его в камеру, и его отпечатков по всей квартире во время следственного эксперимента наставили, чтобы самим под суд не идти.

И снова его слово оказалось в законе. Сидит же человек, срок мотает, стало быть, все так. А менты, они ведь на всякое горазды.

А теперь что?!

А теперь вариантов у Степушкина оказалось десятка полтора.

Мог тот следак с противными глазами его братве сдать. Мог своим же операм, чтобы те дом его навели и пошерстили там как следует на предмет обнаружения неучтенки. Могла и девчужка симпатичная его по всем каналам пробить и тоже начать как-то действовать.

Ох-ох-ох, стареет он, хватку совсем потерял. Далось оно ему, добро это! Украл и украл, хрен бы с ним! А ему вдруг жалко его стало, а он вдруг справедливости захотел. Точно что-то не то ему в вену налили в последний лечебный курс в дурке. Может, какую сыворотку правды влили, что он с милицией решился откровенничать так по-глупому.

Ладно, сейчас он домой доберется, душ примет, в кухне сядет и покумекает сам с собой. О чем? Да о том, к примеру, на что ему девчужка симпатичная намекала.

Кто из его постоянных гостей мог пронюхать про цацки? Кто-то подглядеть сумел, когда он их доставал? Или, может, фотографии случайно увидел? Хотя фотографии те увидеть можно было, если начать рыться в его шкафах. Значит, кто-то и рылся. А кто?

Надо было составить список этих постоянных гостей – раз.

Потом надо было вспомнить, кто к нему случайно забредал в последние несколько недель – два.

И три...

Три, надо будет поспрашивать у соседей, не было ли гостей в его отсутствие? Он хотя и собственные меры предосторожности принял накануне того дня, как ему в больницу лечь. Электронике он не доверял. Сам не мог ничего такого, а пускать себе в дом постороннего с тем, чтобы тот установил и настроил ему как следует камеры слежения, считал излишним.

Во-первых, сразу подозрение. С чего это в деревенской хате дряхлый мужик камеры устанавливает? Чего или кого боится? Красть-то особо нечего. Не нищенствует, конечно, но и богачом не назвать. Подозрительно...

Во-вторых, этот специалист как установит, так потом и обойти сумеет эти камеры слежения. И захочет-таки узнать, с чего мужику такие меры безопасности понадобились.

Нет, опасно это и расточительно.

Оставил он по старинке на каждой раме и двери по приклеенному волоску и, что самое странное, обнаружил все потом, как и было. Стало быть, никто не проникал в дом в его отсутствие. А добро-то пропало! Все украденное им у антиквара будто растворилось! Как?! Каким образом?! Все его «пломбы» на месте, как такое могло быть?

А это – четыре, значит, могло означать что-то одно из двух: либо выкрали добро накануне его отъезда, то есть вечером или ночью. Либо кто-то знал о его мерах предосторожности и потом вернул все волосяные «пломбы» на место.

А кто это мог сделать? Только тот, кто его хорошо знал. Преотлично просто знал. И привычки его, и расписание, и похоронки разные.

А кто его хорошо, преотлично просто знал?

Степушкин почесал отросшими ногтями лысую макушку, прикинул так и сяк.

А никто! Никто его так не знал, и знать не мог. Друзей из прошлой жизни не осталось. Он же завязал, его и не трепали. Даже когда на улице случайно сталкивались, одним кивком головы обходились. Да и сторонились его, чего уж. В дурдоме курс за курсом проходит, чего ждать от общения с таким?

Степушкина это вполне устраивало, более того, он сам о себе слухи один неприличнее другого распространял, чтобы никому не повадно было с ним дружбу водить.

Бабы, с которыми он вязался, тоже не знали его так досконально, чтобы уметь мысли его читать и секреты все распознавать.

Кто же мог влезть в его дом и украсть антиквариат? Кто?!

Глава 2

Маша сновала с кухни в спальню, из спальни в кухню, все что-то примеряла и примеряла на ходу. Швыряла юбки с кофтами на широченную кровать, снова лезла в шкаф. При этом она со старательной беспечностью напевала себе под нос мотив непонятный и надоедливый и настырно не смотрела в сторону комнаты дочери.

Подумаешь, матери та взялась указывать! Мала еще, чтобы вещи такие ей говорить! Еще и семнадцати не исполнилось, и до совершеннолетия полтора года почти, а она матери вздумала мужиков выбирать.

Как это она сегодня с утра ей выдала? Какие-то хлесткие и обидные слова, дай бог вспомнить бы...

«Ты, деревенская клуша, разве не понимаешь, что этому ухарю ты не нужна?!»

Да, кажется, так вот прямо и сказала. И добавила еще, что видела этого ухаля еще и с другими женщинами их села. И что с ними он также был обходителен и вежлив. А Таньке Востриковой вчера так вообще букет подарил.

Про букет Маша не верила, это дочка нарочно сказала, чтобы ее позлить. Где их взять, букеты-то, сегодняшним летом? В палисадниках все от солнца погорело, даже мальва не проклюнулась, а бывало, таким частоколом опоясывала деревню, что хоть косарей запускать. В лесах и на лугах тоже ни лютика, ни травки. В город он не ездил. Незачем было, продуктов они еще три дня назад закупили вместе недели на две. Чего ему было делать в городе-то? За букетом, что ли, поедет специально! Умора просто! Для кого, для Таньки, что ли, Востриковой букет станет покупать специально в городе?! Ага, щас, растопырится! Только для того и поселился в их селе, чтобы всяким шалавам малолетним в город за букетами мотаться.

Это брехня, чистой воды брехня. Это дочка нарочно так сказала, чтобы Маше настроение испортить. Немного удалось, чего уж душой кривить. Затихла ненадолго. Но потом снова по дому запорхала.

Кто бы что ни сказал, она от такого мужика ни за что не откажется. Даже ради дочки не откажется.

А что ее новый знакомый с другими женщинами общается, так что за беда?! Они еще друг другу никто, знакомые хорошие просто. Даже еще и переспать не успели, знакомы-то всего ничего. Торопиться не хотела ни Маша, ни он. Очень порядочными были на этот счет его взгляды.

Покойный папочка ее милой доченьки при живой жене не стеснялся по бабам чужим мотаться. Из одного двора в другой двор, из одной квартиры в другую. Ни стыда ни совести. А жена ведь была у него, молодая, красивая и до любви жадная. Нет, мало ему все было. Вынь да положь чужую! Так и домотался до гробовой доски. Кто-то темной улицей зимней ночью башку-то ему и проломил.

Пытался участковый найти убийцу, да толку что? Смело можно было в подозреваемые любого мужика на деревне записывать. Благоверный ни одной юбки, кажется, не пропустил. К одной Таньке Востриковой, наверное, и не попал. И то по молодости ее лет. А так бы сей пострел и там поспел.

– Санька, подойди сюда.

Маша прервала мурлыкающее пение, присела на край кровати, заваленной нарядами.

– Чего тебе? – угрюмо отозвалась дочь Александра.

– Подойди сюда, разговор имеется.

Сашка через минуту выросла на пороге, оперлась о притолоку. Маша невольно залюбовалась. Высокая, грудастая, с длинными, в пояс, волосами и неестественно синими, будто искусственными, глазищами вполлица. Местный библиотекарь прочил ей модельный бизнес.

Все суетился. Писал куда-то по электронной почте. Посылал Сашкины фотографии на какие-то отборочные туры. Даже номера телефонов какие-то совал ей без конца. Только Саша отмахивалась и номера те не брала.

– У меня будет другое будущее, дядя Володя.

– Будущее?! Какое будущее у тебя может быть тут, деточка, в этой-то лапотной глуши?! Выйдешь замуж за такого же, как твой отец. Станет пить, бить, гулять. Красота твоя померкнет и...

– Я не выйду замуж без любви, – гнула Саша, не успевшая еще растерять детские свои фантазии о принце. – И в глуши можно жить счастливо, дядя Володя. А модельный бизнес... Так не могу я быть такой, как они.

– Какой?! Какой, как они?!

– Беспринципной! – фыркала Маша дочь.

Что да, то да, принципиальности в Сашке было на четверых. Как не смогла простить своего одноклассника, с которым дружила с детства, за то, что тот шутя поцеловал их общую знакомую, так теперь не прощала матери и ее нового ухажера. Уперлась и молчит. Молчит и недобро ухмыляется. А если и скажет что, так уж лучше бы молчала.

– Сашок, присядь, милая, – Маша похлопала по меховому покрывалу, наброшенному на кровать. – Присядь, что скажу.

Дочь нехотя подошла. Присела. Но головы в ее сторону не повернула. Уставилась в окно, будто там что-то новое к их березе приросло.

– Я хотела сказать тебе, что...

– Что? Снова собираешься к нему на свидание? – Саша небрежно толкнула локтем кучу одежды, которую Маша забраковала перед этим. – Смешно!

– Ну, вот что смешно, Сашок? Что смешно?!

Маша старалась говорить тихим нежным голосом, как всю свою жизнь только с дочерью и разговаривала. Но в груди заныло, запекло.

Ну почему она с ней так? Почему?! Она что, должна в свои тридцать семь лет похоронить себя заживо в своем коровнике? Месить до конца дней своих резиновыми сапогами грязь осенью и весной, зимой сопли морозить, пробираясь сквозь сугробы на работу. Этого она хочет для матери?

– Я говорила тебе, давай уедем в город, – напомнила дочь, выслушав от матери ее жалобы. – Бабушка когда еще звала. И сейчас не поздно. Квартиру она мне подписала. Она ждет.

– Кто ждет? – уставилась на нее потемневшими глазами Маша.

Она вдруг с раздражением поняла, что все ее уговоры тщетны. Дочь никогда не примет ее влюбленности. Никогда не порадует за нее. Может, завидует? Может, она сама влюбилась в этого человека, а матери нервы мотает? А что?! Почему нет?! Сердце ее, Сашки, свободно, и уже давно свободно. Кто-то позванивает ей, но, кажется, это все несерьезно. Возраст как раз тот самый для любви. Новый знакомый пару раз заходил когда, очень вежливо и интересно говорил с ней, они даже улыбались друг другу.

Может, вот она, причина-то?!

– Кто ждет нас, Саша?

– Не кто, а что, – поправила терпеливо дочка. – Квартира в центре города нас ждет, ма. Хорошая, просторная квартира.

– Рухлядь! Была я в той квартире! – вспылила Маша.

Всякое напоминание о царском жесте бывшей свекрови всегда выводило ее из себя, всегда заставляло не забывать, что был, был у нее когда-то в мужьях ее сын. Помер потом бесславно, правда. Но мать-то его одинокая осталась. И звала их к себе, настойчиво звала.

Маша гордо отказалась.

Свекровь привечала Сашу, забирала на каникулы к себе. Пыталась даже в городскую школу пристроить. Маша воспротивилась. Потом свекровь тяжело заболела, за ней требовался уход. Маша не поехала. Саше тоже не позволила. И та тайком, как могла, сбегала время от времени поведать бабушку.

Ухаживали до самой ее смерти за пожилой женщиной чужие люди.

А квартиру она – вишь, какая благородная – все равно оставила Саше. Этим потом не раз кололи глаза соседки. Этим не раз укоряла сама себя и Маша, но время вспять не повернуть. Оттого и неприятны были любые напоминания о таком щедром подарке.

– И ничего не рухлядь. Три комнаты! Целых три огромные комнаты!

– Пол сгнил. Отопление все менять. Двери в щелях. Стены, потолки потрескались. Там ремонта на сотни тысяч. Они у нас есть? – Маша без усталости загибала пальцы.

– Можно просто прибрать там и пожить пока так. – Саша надула губы, потеревила ворох материнского тряпья. – А тут у тебя какое будущее с этим?! Что ты вообще о нем знаешь? Кто он? Откуда? Что у него в душе?

– В душе! – фыркнула Маша невесело. – Я с твоим папашей вон сколько лет прожила и то не разобралась, что в его душе! Что за струны такие чужие бабы трогают, что он мимо родного дома всякий раз шастает! Душа! Ты о высоких-то материях меньше бы думала и мечтала. А вот... Вот продать ту квартиру вполне можно и на эти деньги будущее тебе сделать.

– Нет! – Саша резко соскочила с кровати. – Об этом даже не думай. Это он тебя надоумил, да? Твой хахаль?

– Не смей его так называть! – Маша повысила голос, что случалось за их жизнь раза два, наверное, не больше. – Он приличный человек, который... Который собрался сделать мне предложение.

– Ух ты! – Саша насмешливо скривила рот, а синие глазищи вдруг наполнились слезами. Того гляди, заревет. – Это он тебя так предупредил, да? Мария Николаевна, ждите, ждите, скоро, совсем скоро я сделаю вам предложение.

– Дурочка ты, Санька.

Маша вытянула из груды одежды за рукав розовую водолазку. Прикинула так и так, решила, что под ее новую белую юбку и к ее светлым волосам будет как раз кстати. Отложила ее в сторону. Глянула на дочь с обидой:

– Мне, может, сам господь такого человека посылает, Сашенька. За все мои страдания и ревность многолетнюю, такого вот милого и порядочного. А предложение он мне уже сегодня сделает.

– Чего это вдруг? Откуда такая уверенность? – Саша отвернулась и пошла к себе.

– Потому что он просил, чтобы я осталась сегодня у него до утра, – выпалила ей в спину Маша и тут же с облегчением выдохнула.

Ну, наконец-то сказала, что боялась выговорить. Наконец-то нашла в себе силы. Все не знала, как подступить к дочери, как сообщить ей, что не придет на ночь домой. Ну не отпрашиваться же было у нее, в самом деле.

– И ты останешься?!

Узкая спина дочери вытянулась в струну, плечи развернулись, голова откинулась назад. Девочка замерла на пороге ее спальни и стояла так, не поворачиваясь, долго. Молчание ее было утомительным для Марии. Знала, что ничего доброго дочь ей не скажет. Это снова долгие разговоры, а то и слезы.

Все! Надоело! Она не хочет ничего этого, устала! Она просто хочет быть счастливой, и все. Разве это не понятно? А убеждать кого-то в чем-то она замаялась за свою жизнь.

Маша со вздохом глянула на часы. Время поджимало. Надо было собираться. Заставлять ждать себя она не любила. Тем более заставлять себя ждать такого человека! И огорчать его не

хотелось. И выпендриваться лишний раз было не резон, спрос на него в их селе о-го-го какой был.

– И ты останешься у него на ночь?! – снова повторила Саша, все так же стоя к матери спиной.

– Да, я останусь. И давай закончим на этом.

– Давай закончим! – вдруг резко взвизгнула Сашка и повернулась.

Господи! Такими страшными ее синие глазищи не были никогда. Такими Маша их вообще ни разу за неполных семнадцать дочериних лет не видела. Ненависть, гнев, безгливость, что-то еще нечитаемое и очень опасное таилось теперь в них. Аж поежилась, до того взгляд дочери был ужасен.

– Что? – Маша попыталась улыбкой вернуть прежний хрупкий мир. – Что смотришь?

– А ничего! – Крепко стиснутый кулачок дочери с силой ударил в притолоку. – Оста-
нешься с этим хлыстом на ночь, так и знай...

– Что? Что я должна знать, Саша? – Она теперь уж без стеснения глянула на часы и взглядом указала дочери на дверь.

– Меня у тебя больше нет, поняла?! Нет у тебя больше дочери! А у дочери нет больше матери. Все!!!

Она резко повернулась и выбежала из материнной спальни. Потом громынула дверь ее комнаты, через пару минут входная дверь, а потом ржавым скрипом взвизгнула калитка.

Умчалась куда-то.

Маша встала с кровати, подошла к окошку. Сашки уже и след простыл. Нигде на улице не видно. В три прыжка куда-то удрала. А чего бесится-то? Чего? Ревнует мать к незнакомому дяденьке? Или, наоборот, дяденьку ревнует к матери? Так то ее право. А Маша вот оставляет за собой право быть счастливой. Пусть даже и такой ценой.

Дочь на нее надулась, подумаешь! У кого в семье такого не бывает? Если не бывает, значит, это не семья. Бог с ними, с ссорами. Ей сегодня нужно выглядеть красиво. Быть соблазнительной и нежной. Да, розовая водолазка как раз кстати будет. Ее цвет.

Маша метнулась от окошка к зеркалу, приплюснула водолазку к груди, горлышком обхватила шею. Покрутилась.

Красиво! Ей идет. И вообще, она еще очень красивая и молодая, что бы там Сашка ни выдумывала. И под руку с этим мужчиной она будет еще краше и достойнее. Устала от шепота в спину. Устала от пустых зимних вечеров. От пустой холодной кровати и от пухлой подушки на соседней половине, которую порой поглаживала и обнимала вялыми со сна руками.

К черту все! Она сегодня идет на важное свидание. Может, самое важное в ее жизни. Все остальное пускай катится к чертям собачьим.

Не дочь, конечно же, нет. Ее принципы и упрямство. У Маши своего добра полно такого.

– Сегодня или никогда, – шепнула она себе и, похватав с полок шкафа нижнее белье, двинулась в кухню, где за клеенчатой шторкой еще прежним мужем была установлена ванна.

Глава 3

– Данечка, Данечка, миленький, проснись. Пожалуйста, проснись, миленький, тебе звонят...

Нежный голос его Леночки не будил, нет. Он обволакивал. Он убаюкивал, он делал его сознание, да что сознание, его всего ее голос делал мягким, податливым, безвольным...

«Ой, смотри, Данилка, горя ты с этой лисойхватишь, – предупреждаяще брюзжала четыре года назад его мать, когда он сообщил ей, что жениться собрался и Леночку к ней в дом привел знакомиться. – Такая она вся...»

«Какая? – сиял он на мать безумными от невероятного счастья глазами, тискал ее полные плечи, прижимая к себе. – Какая, мать? Леночка, она же... Она же ангел!»

«Знаем мы ангелов таких! – сердилась мать и вырывалась из его рук. – Такие-то ангельским своим лисьим голоском да лаской либо в могилу сведут, либо в долговую яму посадят!»

«Ма, ну чего ты мелешь?»

Даниле не хотелось обижаться на мать. Родной человек все же. Пускай с тяжелым характером, но мать же. Столько сил в него вложила и все такое. Но и Леночку ему в обиду давать не хотелось. Матери только волю дай, гусеничным трактором прокатится по их отношениям, камня на камне не оставит, все перетряхнет и на свой лад сложит.

Нет, он так не хотел. Было уже, не раз было и с Валями, и с Танями, и с Наташами, и с Маринами. Никто ей был не угоден. То не хозяйственная, то жадная, то распутная и завистливая. Так получалось, что мать оказывалась права и Данила со временем к избранницам остывал. Но вот что касается Леночки...

Тут он точно не отступит. Ни за что не отступит.

Да и не было у матери ничего против нее. Ничего! Нежность Леночки не понравилась? Ее преданность? Осторожные манеры? Что не хамит и глаза на свекровь с вызовом не таращит?

Да ради бога! Его-то все это как раз и устраивало.

«Вот увидишь, станет из тебя веревки вить! Подкаблучником станешь, глазом не моргнешь!» – гнула свое мать, но стол за знакомство собирала тем не менее.

«Так отец мой всю свою жизнь до смерти самой был подкаблучником, и ничего, жил счастливо вполне, – напомнил ей Данила и поцеловал мать в висок. – Я люблю ее, ма. Не прошу, конечно, чтобы и ты ее полюбила, такого, говорят, не бывает в природе, но смиришься. Другой не будет!»

Мать отвернулась и зашмыгала носом. Так случалось всегда, когда отца вспоминали. Они прожили вместе тридцать лет, прожили душа в душу, хотя отец иногда и называл мать в шутку гренадером в юбке, а себя несчастным подкаблучником. Говорить-то говорил, а вот от Настюшки своей никуда. И умирал когда, только о том и печалился, как же она без него жить станет.

«В природе у него не бывает, ишь, – зло зафыркала мать, но не злилась – нет, так просто фыркала, чтобы слезы свои скрыть. Проявление собственной слабости для нее было очень болезненным. – На вот, тарелки на стол неси, умник. В природе у него не бывает... В природе, может, и не бывает, а меж нас, может, все и срастется. Только ты уж тоже не подкачай...»

Он и не подкачал. Так и продолжал любить свою Леночку, с той же силой и страстью, как с первого дня. И баловал, и позволял вить из себя веревки, и капризы сносил. И все славно у них складывалось, и ни о каких могилах или долговых ямах речи не было и быть не могло. Да и мать сама спустя какое-то время к Леночке привязалась, дочкой только и называла. И все внуков кланчила...

– Данечка... Данечка, милый, проснись, тебе звонят! – Горячие губы жены дотронулись до щеки. – С работы звонят, милый.

С работы? Почему с работы? Сегодня же...

Точно воскресенье! Он сегодня не дежурил, только вчера сменился. На работу только завтра. Чего звонят? Не иначе ЧП какое-нибудь, чтоб его! Ну не дадут человеку отдохнуть и семейным покоем насладиться. Они сегодня с Ленкой мечтали дома побыть, поваляться подольше в кровати, потом вечером сходить в кино, можно было и до матери дойти. Она недалеко от них жила, зазывала давно, а им все недосуг.

Можно, можно было бы и к матери зайти, и к друзьям, те тоже отчаялись заполучить их в гости. Да где же тут! Работа, будь она неладна!

Данила вздохнул, настырно не желая открывать глаза.

Работа была ни при чем. Работу свою он уважал. Сильным она его делала, значимым, полезным. Что бы там ни говорили теперь, думать по-другому он не станет. Работу свою он уважал. И всегда думал, что если не он, то кто же. И раздражался сейчас не на работу, нет. Это он по неосторожности так спросонья. Раздражался на уродов, что жизнь людям ломают. И тем, которым несчастье принесли в дом, и тем, которых от дома отлучают.

Его сегодня очередь.

– Данечка, ты не спишь, – шепнула в самое ухо Леночка и тихонько рассмеялась. – Ах ты, хитрец-удалец. А его бужу, бужу, а он притворяется. Иди, звонят тебе.

– Сказала бы, что меня нет дома. – Данила поймал жену за пижамные штаны, притянул к себе, зарылся носом в ее светлые волосы. – Чего ты как маленькая? Теперь не поваляемся, в кино не ходим, в гости тоже.

– Врать не могу и тебе не советую, – строго прервала его нытье Леночка. – Да и сам потом мучился бы весь день, что там да как. В гости вполне успеть можем, если ты соберешься быстренько.

– Опять ты одна в выходной день, милая.

Ему жалко было жену, без дураков, серьезно жалко. Редкий праздничный день, редкий выходной обходился без экстренных вызовов на работу. И ей приходилось сидеть и ждать его, волноваться и ждать. С ума сходить от тревоги, когда телефон его не отвечал, и снова ждать.

– Доля моя такая, Данечка, – Лена вырвалась и потянула его за руку с кровати. – Давай, давай, не тянись, там тебя ждут. Я несу телефон?

Звонил коллега по службе. Звонил уже из отдела. Зевал во все горло, матерился и не пытался скрыть своего раздражения.

– Твою мать, а, Данил! В кои-то веки собрался на балконе порядок навести, а! Вчера со своей так тихо, мирно все обговорили. Она даже пирог мне испекла мой любимый.

– Яблочный? – Данила резво собирался, прижимая щекой трубку к плечу.

– Яблочный! Такая счастливая порхала. Говорит, на балконе разберемся и к сыну в лагерь съездим. Он же у меня на отдыхе в оздоровительном санатории за городом. Уже восемь дней не видел! Жена ругается, говорит, из-за твоей чертовой работы все сироты, и я, говорит, и дети. А дочка, какая же она сирота, если у нее жених есть? Тут явный перебор у супруги. Ну что за сволочуга?!

– Кто?

– Что кто? – Коллега зевнул с хрустом.

– Сволочуга кто?

– Тот, кто телку завалил в районе!

– Ух ты!

– Вот тебе и ух ты!

Данила болезненно поморщился: убийство это надолго. Это опрос свидетелей, а их вся деревня, если это в районе случилось. Это писанины – страсть сколько. Это туда еще добраться нужно на чем-то, хорошо, если транспорт дадут. Это нужно еще всех дожидаться – экспертов, прокурорских.

Да...

Не случится у них с Леночкой сегодня гостей. Точно не случится. И домой он придет поздно. Голодным придет, злым, как собака. Станет глотать ужин, который она приготовит и раз десять подогреет в микроволновке, пока ждать его станет. Зло глотать станет, жадно, глаз на нее не поднимая. И выговориться бы надо в такой ситуации, да зарок себе дал: дрянь всю эту в дом не тащить.

– Огнестрел, ножевое?

Данила нацепил с третьей попытки часы на запястье, сунул ноги в туфли, перехватил из рук жены пакет с бутербродами – умница, догадалась. На ходу поцеловал ее и выскочил за дверь.

И уже выходил когда из подъезда, подумал о себе нехорошо. Почему было не отвлечься от телефонного разговора и не проститься по-человечески с Леной? Все на ходу, все торопливо, урывками. Такое ли счастье он мечтал ей подарить? Каково вот ей рядом с ним, а? Никогда не задумывался, а тут вдруг пробрало до такой степени, что сердце заныло. Остановился посреди двора, поднял голову к своим окнам.

Леночки не было.

И снова неприятный толчок в сердце: а раньше всегда провожала, всегда рукой махала из окошка. Привыкла к его отлучкам? Научилась не делать из этого трагедию? Или...

Или ее это начало устраивать? А что? Многие мужики из отдела рассказывают, что жены с годами привыкают и уже как-то не печалются тому, что муж отсутствует.

«Особенно если ей есть чем досуг занять! – ржал тут недавно один капитан, проживший с женой двадцать три года. – У кого дети, у кого внуки, а у кого и еще кто-нибудь может завестись».

«Заводятся только блохи, капитан, – оборвал его тогда коллега Данилы, так и не успевший навести порядок на балконе. – А если ты на любовника намекаешь, то тут что муж рядом, что нет его, если баба тварь, ей никто не мешает ею быть! Она его все равно заведет. А если она верная...»

И тут пошли всевозможные примеры из жизни бывалых. И как кто-то где-то отсутствовал полгода, а жена все равно ждала. А один через день вернулся неожиданно из командировки, а ее дома нет, и заявила она лишь под утро. Потом начали спорить, дело чуть до ругани не дошло, хорошо, что вовремя разошлись.

А осадок в душе Данилы остался. И Леночку жалко было, и себя вдруг. Он же на работе, он же не просто так. А работа нелегкая и опасная очень. Вот и не помахала рукой ему сегодня из окошка...

Коллега заехал за ним на своей машине, служебный транспорт уже ушел с прокурорскими и экспертами, пока Данила долго в постели ворочался.

– Все никак к Ленке своей не привыкнешь? – покосился на него коллега с легкой завистью. – Погоди, пройдет это у тебя. Сколько вы с ней вместе то? Год, два?

– Четыре, – нехотя ответил Данила.

Личную жизнь свою он ни с кем обсуждать не любил. Не впускал он туда никого ни с благими намерениями, ни без них.

– Еще полтора года встречались.

– Нормальный срок, конечно, – покивал тот. – Но недостаточный для того, чтобы делать какие-то выводы.

– А каких выводов ты ждешь? Толик, чего ты вообще пристал, а? – Данила отвернулся от него к окошку, стал смотреть на улицу.

Жара понемногу отступала, сизый дым от лесных пожаров выметало из города легкими порывами ветра. Вчера ближе к ночи даже дождик побрызгал. Облегчения, конечно, не принес,

воздух из сухого и горячего сделался влажным и неподъемно тяжелым, но немного хотя бы пыль дождем прибило, и на том спасибо.

– Толик к тебе не пристал. Толик просто злится, что пришлось идти в гараж за этой рыдванью, заводить ее, заливать в нее свой бензин на свои копейки, Тамарка не дала денег, пришлось брать из заначки. А все почему? А все потому, что кто-то слишком много спит. Или потому, что кто-то слишком любит свою жену.

– Это не преступление, – вяло огрызнулся Данила. – Затраты возмещу.

– Ладно тебе, затраты он возместит! – обиделся тут же Толик. – Это я ведь так, из вредности ворчу. Нужны мне твои гроши! Свадьбу дочери я на них все равно не сыграю. Да и вообще...

– Что вообще?

– Вообще не сыграю, – выдохнул тот с печалью. – Как обсчитали нам с Тамаркой в ресторане, во что торжество то выльется, так хоть с балкона прыгай. А балкон-то не разобран, черт побери! Да... Что делать? Таких денег у меня нет, хоть тресни!

– Дорого?

– Не то слово! Она вот, Ленка-то твоя, правильно делает, что с детьми не спешит, это дорогое нынче удовольствие. Очень дорогое! Нам с тобой точно не по карману.

А с чего это Толик решил, что это именно Лена с детьми не спешит?

Данила обеспокоенно заворочался.

Они, конечно, не планировали пока детей, но если бы вдруг неожиданно случилось, то он бы точно был рад. Настаивать не мог, пока она молчала, понимал, насколько тяжело ей будет одной с ребенком, он-то постоянно на работе. Но и не отказался бы уж точно.

Но Лена ведь молчала. С чего Толик взял, что именно она не спешит заводить детей? Спросить или нет? Не спросить, будет мучиться до конца дня. Так день насмарку, и вечер обещал быть серым с усталой злобой. А тут еще недомолвки разные мозг вынесут.

Нет, надо спросить.

– Так она моей Тамарке сама говорила, – засопел виновато Толик, поворачивая скрипучий тарантас с проспекта за город. – Где-то они столкнулись в магазине, пошли кофе выпить в кафе. Разговорились за жизнь. Моя начала стонать, как все нынче дорого. А твоя в ответ – потому-то и потому детей не заводим. Данечка, говорит, все время на службе. Одной тяжело. Да и не по карману жить на одну зарплату мужа. Зарплаты-то той!..

Лучше бы уж не спрашивал. Лучше мучился бы неизвестностью, чем такими неприятными новостями. Леночка – его милая, молчаливая жена – стала говорить о таких сокровенных вещах с посторонним почти человеком?! Она же Тамарку ту раза три всего и видела за совместную жизнь с Данилой. Чего это вдруг стала говорить с ней о планах своих, обсуждать зарплату мужа.

– Ладно, проехали, – проговорил Данила, стараясь не показывать вида, насколько неожиданными и неприятными явились для него откровения супруги. – Что там по труп?

– Труп женский. Молодая женщина, тридцати семи лет от роду. Но это не точно. Точных данных нет пока.

– Огнестрел, ножевое? – повторил свой вопрос Данила.

– Тоже не совсем понял. Нашли рыбаки в траве возле пруда. Участковый будто бы звонил, верещал, говорят, как баба. Трупа, что ли, ни разу не видал? – фыркнул Толик.

– Может, и не видал. Может, к погибшей чувства теплые питал. Может, родственница его. Может, просто нонсенс такая смерть для тех-то мест.

– Началось! – простонал Толик и засвистел тут же что-то себе под нос, давая понять, что разговор окончен.

Ни для кого в их оперотделе не было секретом, насколько плодовитым был Данила на версии. За минуту буквально с десятков наговорит. Вроде и неплохо, никому больше голову не

надо ломать. Вроде и начальство такой его плодовитости радовалось. А в разработку пускать? А по городу, высунув язык, носиться? И девять-то из десяти непременно пустышкой окажутся, а то и все десять из десяти.

Данила придумывал дальше, они продолжали носиться с удвоенной скоростью, и история зачастую повторялась. Вывод? Вывод напрашивался сам собой – не надо спешить. Никогда не надо спешить и чего-то там придумывать, додумывать, сочинять. Жизнь, она ведь штука интересная, она сама все по местам своим расставит.

Что бегай, что не бегай, результат один...

Участковый встретил их у сельской управы. Китель был надет на клетчатую летнюю рубашку, без фуражки, в спортивных штанах и тапках на босу ногу.

– Совсем, что ли, охренел, так вырядился, Степаныч? – Толик покрутил головой. Участкового он знал давно, потому мог особо и не церемониться. – Сейчас начальство вдруг пожалует, а ты при маскараде таком!

– Не пожалует. Прокурорские и эксперты и те пока едут. Обстоятельства дела узнали и не спешат. Звонили, решили позавтракать где-то по пути, говорят, потом хрен получится. Вы первые приехали, – пахло на них густым стойким перегаром из открытого рта Степаныча.

– А что за обстоятельства? – Данила неприязненно покосился на участкового и не удержался от совета: – Ты китель бы снял, что ли.

– А что? – Степаныч вдруг зло прищурился. – Боишься честь мундира замараю?!

– Боюсь!

– А ты за мой мундир не парься, парень, – пожилой мужик вдруг начал застегивать китель на все пуговицы. – Я его уже хрен знает сколько лет ношу и не опозорил ни разу. Мзду не беру, с бандитами дружбу не вожу, уголовников не покрываю. А что выпил вчера, так полное право имею, выходной день у меня. И праздник к тому же, сынок приехал в отпуск.

– Так сними его тогда вообще! Чего как клоун-то, в самом деле, Степаныч! – заступился за Данилу Толик и начал стаскивать с покатых плеч участкового китель, к слову, идеально вычищенный и отутюженный. – Чем сынок-то занимается, Степаныч? Что-то ты мне о нем не говорил никогда.

– Сынок у меня в Москве большой начальник на заводе каком-то. – Степаныч послушно стоял, не шевелясь, позволил снять с себя китель, не воспротивился, когда Толик его в машину свою убрал. – Три года дома не был, все звонит только. Звонит, правда, каждый день, обижаться грех. Но повидаться-то охота, так ведь? Вчера вот приехал, сразу за стол. Как не выпить? Выпили, повспоминали, посмеялись...

– Опять выпили, – ехидно вставил Данила.

Что-то раздражало его сегодня все. И участковый этот помятый, и китель его старенький, выскобленный до идеального состояния. И деревня ему их не понравилась с первого взгляда. Как-то угрюмо все, безлюдно. Ни детворы, ни старушек возле селпо. Время к полудню, а у них шторами окна занавешены. Даже кур, вечно барахтающихся в придорожной пыли, не видно.

– Да, опять выпили! – с обидой вскинулся Степаныч и покосился на Данилу. – Умный тоже! Вот погоди, сын твой подрастет да из дома уедет, посмотрю, как ты встречать его станешь. Сын или дочь?

– Что? – Данила вздрогнул от прикосновения сухих горячих пальцев Степаныча к своему локтю.

– Сын, говорю, у тебя или дочь?

Участковый смотрел на него внимательно и с сочувствием. И это вот самое сочувствие, непонятно чем вызванное, еще больше взбесило Данилу.

Чего, собственно, лезет? Чего надо-то? Сын у него или дочь, или нет вообще никого, какое ему дело-то?! А нету у него никого, нету, понятно!!! Зарплата у него небольшая, и дома его постоянно не бывает. Разве при таком положении вещей возможно заводить детей?! Что

вы, боже упаси! При таком положении вещей дети – это роскошь! Непозволительная роскошь! Леночка так вот прямо и проговорила это в чужие уши, игнорируя собственного мужа.

Участковому из деревни с его крохотной заработной платой, десятком кур, телят и тремя козами можно иметь сына. И даже выучить его возможно, не просто же так тот получил должность большого начальника на каком-то там заводе. Стало быть, высшее образование имеет. Папа выучил.

Участковому все можно, Даниле нет.

– Какая разница, кто у меня? – стряхнул он с себя пальцы Степаныча и процедил сквозь стиснутые зубы: – Оправданием для пьянки может послужить любой повод.

– Понятно... – пожевал сухими губами участковый и с опаской отступил на три шага.

– Чего понятно?!

– Нет у тебя детей, служивый. Нет и пока не предвидится, – вдруг брякнул Степаныч и тут же втянул голову в плечи. – Не обижайся, парень, но бездетных за версту видать. Носом я их чую, хоть он у меня сегодня и в табаке. Ладно... Идемте, что ли, на место...

Глава 4

День был прожит совершенно зря. Запросто можно было его вычеркивать из собственной жизни. Таким он был непродуктивным, безрадостным, серым, унылым.

Данила стоял на заросшем остролистой осокой берегу пруда, смотрел на зеркальную середину и ни о чем другом думать не мог, как только о Леночке.

Что она теперь делает? Почему не звонит? Почему на его звонки не отвечает? И почему, в конце концов, была так откровенна с Тамарой, женой его напарника Толика? Почему сказала ей то, о чем всегда молчала с ним – со своим дорогим мужем? Или он ей не так уж и дорог? Или все же права была мать, предостерегая его от брака с Леночкой?

Черт возьми все на свете!!! Почему было суждено его выходному дню сложиться именно так вот, а не иначе?! С какой стати приспичило этой молодой еще и достаточно красивой блондинке свалиться с обрыва у пруда и сломать себе шею, или отчего там она умерла? Не могла подождать до понедельника?

Кошунственно звучало, он знал, что кошунственно и бесчеловечно даже, а человечно было его лишать семейных радостей?

– Щеголев! – окликнули его из толпы суетящихся вокруг трупа людей. – Иди сюда, взгляни.

Чего там было глядеть! Он все успел осмотреть, пока бравые ребята, насытившись по дороге завтраком, соизвоили подъехать. Все осмотрел, навел справки, поговорил серьезно с участковым. Даже записать кое-что успел, не для них, для себя.

Мария Николаевна Углина, тридцати семи лет от роду. Не замужем, точнее вдова. Воспитывает несовершеннолетнюю дочь. За ней, кстати, послали, но пока не нашли нигде. Работала на ферме бригадиром. Неплохо совсем получала. Непьющая, некурящая. Не гулящая. Правда, Степаныч что-то сказал вскользь о ее последнем недавнем романе с кем-то из приезжих. Но неуверенно как-то сказал. Все плечами пожимал и пересохшие с похмелья губы недоверчиво выворачивал.

– Не похоже это на Маню, – чесал он макушку. – Больно она серьезная, чтобы с приезжим пашни крутить. Скорее сплетничают злые бабы. Своих всех отшивала, а с чужим чтобы...

– А свои, это кто? – Тут вот Данила уже писать принялся.

– Ну... Библиотекарь наш Володька сох по ней еще при муже живом. Но никогда не давала она авансов ему. Даже уже когда вдовой была.

– А кто он – Володя этот? Мог он ее вчера с бугра этого столкнуть?

– Столкнуть?! Считаете, что столкнули?! – ахнул тут же Степаныч и попятился от трупа. – Разве не сама Маня-то? Разве не одна она была?

Пришлось объяснять участковому, чрезвычайно мающемуся и от беды такой, ужасно непривычной для здешних мест, и от похмелья, что падение погибшей скорее всего было вызвано тем, что ее кто-то столкнул с обрыва. Если вообще не сбросил уже бездыханную вниз. Следы от ее каблучков достаточно далеко от края обрыва. И трава там притоптана изрядно. Кто-то топтался рядом с ней, кто-то без острых тонких каблучков.

– Топтался?! – ахнул Степаныч, прикрывая пересохший рот ладонью. – Считаете, что не одна она была?

– Считаю, что не одна. И чего это ей одной тут ночью делать? Для кого-то она так вырядилась. Или она всегда так ярко одевалась?

– Да... Нет... – замотал тяжелой головой Степаныч и зажмурился.

– Что да? Что нет? Степаныч, ты хорош мудрить! – прикрикнул на него Толик, успевший внимательно исследовать окрестные кусты.

– Одевалась всегда опрятно, но на каждый день так никогда. Юбка белая... На коровник в ней, что ли, ходить! Нет, не видал ее ни разу в ней. И каблуки! Маня, она в танкетках на низком ходу всегда. Пошастай на ферму-то по три раза на дню на таких каблучищах! Нет, это она так вчера только вырядилась.

– Замечательно, – сделал пометку в своих записях Данила. – Стало быть, на свидание она нарядилась. Вопрос: с кем? Могла с библиотекарем роман закрутить?

– Нет! – слишком поспешно выкрикнул Степаныч и тут же смутился, напоровшись на их изумление. – Не знаю, конечно, но вряд ли. Володька, он...

– Что? Что он, Степаныч? Тебя похмелить, что ли, чтобы ты соображал быстрее?! – взвыл Толик, все еще помнивший про неразобранный кавардак на балконе и про пирог, состряпанный женой по причине его обещаний. – У нас ведь сегодня воскресенье, выходной! Чего ты мямлишь-то?! Докладывай, как положено, ну!

– Доложишь тут, китель с меня снял. Фуражку отобрал, – надул губы Степаныч. – Пить охота, Толик. Сил нет, как пить охота. Аж в голове все пересохло, не то что во рту.

Пришлось Толику лезть в машину, выуживать из-под сиденья завалившуюся туда еще со среды початую бутылку минералки и отпаивать ее остатками участкового.

Вроде помогло. Степаныч повеселел, приосанился. Заговорил бодрее:

– Володька, он неплохой мужик. Добрый, спокойный. К Сашке добрый очень.

– Сашка у нас кто?

– Сашка – это Манина дочь. Такая красotka, такая красotka! На покойного мужа Маниного похожа. Маня, она тоже симпатичная... – Степаныч со вздохом покосился на мертвое тело в траве, уточнил с грустью: – Была... Была симпатичная. Но мужик ее покойный очень был пригожим. Ни одна баба не могла перед ним устоять, ну и... И он перед ними тоже. Не пропустил ни одной юбки. Вот Сашка в него.

– Как это?! – вытаращился Толик. – Тоже ни одной юбки не пропускает? Или штанов?

– Да нет, тьфу ты, – виновато улыбнулся Степаныч, покосился на мятый край своей клетчатой рубахи и вдруг начал заправлять ее в спортивные штаны, попутно объясняя: – Красавица, говорю, она вся в него. А так она очень серьезная, учится отлично.

– Степаныч! Степаныч же!!! – взвыл Толик, наблюдая за манипуляциями участкового с болезненной гримасой. – Ну что ты делаешь, скажи на милость?!

– А что? – тот недоуменно оглянулся.

– Ты чего рубашку в спортивные портки засунул? Думаешь, лучше сделал? Сейчас следователь приедет, из прокуратуры народ, а ты тут чисто клоун! Хочешь завтра рапорт писать?

– Не хочу, – испуганно замотал головой Степаныч и потянул рубаху из штанов. – Не хочу, Толик! Кто же знал-то... Сынок у меня приехал... Вот незадача.

– Так что там с библиотекарем?

Данила нетерпеливо постучал авторучкой по блокноту. Лично ему было уже плевать, как выглядит участковый. Ему важно теперь было узнать как можно больше. И как можно быстрее уехать из этой странной деревни с занавешенными даже в полдень окнами.

Не нравилось ему тут, совсем не нравилось.

– Володька, он очень хороший и спокойный, но...

– Но что? – поторопил его Данила, когда Степаныч смущенно умолк.

– Но сильно пьющий.

– Насколько сильно? По случаю, с получки или каждый день?

– По случаю... каждый день, – закивал Степаныч.

И не хотели, да заржали в полный голос с Толиком. Потом уловили скорбный взгляд участкового, направленный на мертвую женщину, и смех оборвали.

– Так и запишем, ее давний и тайный воздыхатель сильно и постоянно пил. Так?

– Так. Только он не тайный. О его чувствах вся деревня знала. И Маня сама знала. И Сашка ее тоже.

– И никак не реагировала? Я про погибшую?

– А как она реагировать может на алкаша? Мужик ее покойный выпить был не дурак да гулял еще в темную голову. Так он по дому все делал, воду провел в дом, ванну девкам своим установил, туалет, газ опять же. В деревне это редкость. А Володька, тот чуть не по-черному хату топил. Так, лабуда, а не человек, одним словом. Не живет, а небо коптит.

– Не для него, значит, вырядилась тогда вчерашним вечером Мария Николаевна, так, Степаныч? – Толик присел на корточки перед трупом, отодвинул веточкой прядь волос с мертвого лица, прошептал: – Красивая какая... Сочная. Кто же тебя мог так, а? Слышь, Степаныч, а не мог этот пропойца ее из ревности с обрыва того...

– Чего того-то? Чего того? – рассердился Степаныч и зашагал, зашагал туда-сюда по тропинке. – Володька, он курицы не обидит. Да и вдрызг он вчера опять же был еще днем.

– А к вечеру мог и протрезветь, – подсказал Данила, испытывая необъяснимое мстительное удовлетворение от того, что Степаныч гневается. – Мог увидеть, как Маня ваша через всю деревню цокает каблуками на свидание, пойти следом за ней, выждать удобный момент, когда она останется одна, и столкнуть ее с обрыва. Из ревности, во!

Степаныч покосился с пониманием на Данилу, что-то проворчал про бездетных и злых оттого и вдруг с необычайной для него важностью заявил:

– Цокать у нас каблуками, если вы успели заметить, негде. Асфальта потому как не наблюдается. Удобных моментов у Володьки было пруд пруди. Маня одна по темноте на ферму изо дня в день ходит. Карауль ее возле каждого куста – не хочу.

– Но ведь не наряжалась так никогда! – перебил его Данила, вот нравилось ему дразнить участкового, и все тут. – А тут нарядная! Ревность и зыграла. Пошел следом за ней, увидел их свидание, подождал, пока она останется одна, и...

– Может, и так, – вдруг сдался участковый. И тут же прищурился хитро: – Только чего же это она одна-то вдруг в момент свидания осталась, а? Нарядиться нарядилась, сюда пришла. Значит, ждал ее кто-то. А чего потом одна остаться должна?

– А тот, кто ждал, взял и ушел, – подсказал Толик, продолжающий внимательно рассматривать мертвую женщину. – Может, они поссорились?

– Может, и поссорились. Только вот с кем? Ума не приложу!

И вот по тому, как вильнул от него взгляд пожилого деревенского мужика, проработавшего всю жизнь в этой деревне участковым и знающего тут не то что людей, а всех их кур наперечет, Данила понял, что тот если и не врет, то не говорит им всей правды. А если уж участковый, призванный всячески содействовать и помогать следствию, умалчивает и привирает, то стоит ли надеяться на остальных жителей села?

Тоска! Тоска и безнадега – дело это, на первый взгляд показавшееся Степанычу несчастным случаем.

Приехавший на место происшествия эксперт подтвердил это.

– Не скажу точно, но, по-моему, она была мертва еще до того, как слетела вниз.

– Точно?! – перекосилось лицо одного из прокурорских. – Может, все-таки несчастный случай? Может, она сама вниз слетела?

– Ага, – кивнул тот с понимающей скептической ухмылкой. – И пока летела, успела кого-то когтями цапнуть так, что шкуры надрала под ногти – на тридцать три экспертизы хватит. И шею ее видали?

– Нет, – Толик помотал головой. – А что с ней?

– Не видал он! – фыркнул эксперт. – Надо было, опер, воротничок-то водолазки этой чуть приопустить, тогда и увидал бы, что ее либо задушили, либо задушить пытались. Вишь, синяки какие? И горло вспухло. Убийство это на первый взгляд.

– Чего сразу убийство-то? Чего сразу убийство? – изо всех сил пытался сопротивляться молодой сотрудник прокуратуры. – Может, она с кем-то подралась, тот потом убежал, или убежала, а она, пошатываясь, подошла к обрыву и...

– Ну-у, молодой человек, так мы с вами, знаете, до великих мэтров договоримся, – захихикал эксперт. – Подошла она к обрыву и, обхватывая одной рукой вздувшееся после драки горло, произнесла монолог, что ей кажется порой, что она птица, и шагнула вниз. Так, что ли?

Прокурорский промолчал, сердито озираясь по сторонам. Его тоже, видимо, не радовал воскресный день неожиданно прерванным отдыхом. И трупом, который ну никак не хотел укладываться в рамки несчастного случая. И домой мечталось пораньше попасть, где либо невеста, либо молодая жена ждала. А может, ни та и ни другая, а просто досмотреть последний сладкий сон хотелось. А тут, поди же ты, убийство нарисовалось!

– Ну что тогда, – улыбнулся он кисло. – Надо приступать к выявлению и опросу возможных свидетелей.

– А свидетелей тех вся деревня, – присвистнул Данила и вот как раз в тот самый момент и ушел к пруду.

Там хорошо было стоять – лицом к безмолвной воде и спиной ко всем. Никто не мог видеть в тот момент его лица, не мог заметить его тоски, а тосковал он в ту минуту все по ней – по Леночке. Сердиться еще можно было в одиночку, без возможных последующих объяснений.

На кого?

Да все на нее – на Леночку! А чего она на звонки не отвечает? Чего ему не звонит? Всегда же звонила! Раз в два-три часа – непременно. А сейчас молчит.

Злился, страдал, проклинал и работу свою, и бабу эту мертвую, ухитрившуюся умереть именно под утро в воскресенье. Понимал, что в деревне этой они зависли на целый день, потому как опрос всех жителей займет о-го-го сколько времени, и злился пуще прежнего.

И вот тут его окликнули:

– Щеголев, иди сюда, взгляни...

Он узкой тропкой продрался сквозь осоку, шуршащую сухо и сердито. Подошел к группе.

– Взгляни, Данила, – эксперт помотал в воздухе пластиковым пакетиком, в уголке которого что-то тускло поблескивало. Крохотное такое, круглое. – Было зажато в кулаке погибшей. Будь благословенен основной инстинкт, будь он воспет в песнях и в стихах изложен!

– Это который же инстинкт? – рассеянно поинтересовался Данила, рассматривая на солнце крохотную золотую безделушку.

– А когда человек начинает падать, он начинает инстинктивно за что-нибудь хвататься, – с надменной терпеливостью начал объяснять эксперт им, бестолковым. – Даже за воздух хвататься начинает. А уж когда под руку что-то попадет, он, бедолага, схватит – не оторвать.

– Считаешь, что это чей-то кулон?

– Уверен! И не чей-то, а убийцы.

– Постой, постой, но ты же сам сказал, что женщина была убита еще до падения, – напомнил ему Толик, тоже внимательно рассматривающий золотую безделушку.

– До падения с обрыва! – поднял кверху указательный палец эксперт с сердитым фырканьем. – А кто сказал, что она там не падала? Юбка вся травой выпачкана. И с этого боку, и с этого. Падала, голубушка наша, и не раз. И не только с обрыва. А и тогда, когда боролась за жизнь свою, когда ее задушить пытались, и... задушили, возможно.

– А что еще возможно? – Данила то подносил к глазам золотой предмет, то отодвигал подальше.

– Все, что угодно, – снова фыркнул эксперт и авторитетнее прежнего заявил: – Возможно даже отравление!

– Чем это? – икнул испуганно Степаныч, скромно стоящий до сего момента в сторонке.

– Чем угодно! Грибами, беленой, цианидом. Вскрытие покажет...

Степаныч аж зажмурился от перспективы такой ужасной. Шутка ли – страшное какое преступление на его объекте. Чего сроду не бывало!

Самое дикое, что случилось в этих местах, помнится, – это когда Машкиному же мужику кто-то голову проломил. Он попытался было восстановить справедливость и призвать убийцу к ответу, но быстро остыл. И не остыл даже, остудили его.

Слишком уж много оказалось подозреваемых, чуть не вся деревня поголовно. Были еще и приезжие. И причем не одни мужики, кому покойный посредством своего кобелирования рога с их женами наставлял. Но и бабы тоже попали в разряд возможных подозреваемых!

Он же их бросал? Бросал! Уходил к другим? Уходил! Они меж собой полосовались? Еще как! Тут и Маня сама могла запросто башку неверному супругу проломить. Сколько терпеть-то можно было?!

А теперь вот и самой кто-то шею сломал. Кто?! За что?! Разве найдешь теперь?

Степаныч вздохнул и отошел к кустам, подальше от этой гомонящей толпы надутых профессионалов, без них в голове тупо и больно.

Корчат из себя, понимаешь! А чего могут-то, чего? Может, в городе своем и сориентируются, может, и найдут следы какие, в чем он все равно сомневался. Народу-то тьма-тьмущая. Искать там преступника все равно что иголку в стоге сена. Но, опять же, ладно, привычная среда обитания, как-то у них там получается это делать.

Но вот что касается деревни! Его деревни, где он каждого знал лучше, чем тот сам себя. Тут, господа, увольте. Тут вам придется туговато.

Во-первых, народ не станет откровенничать с пришлыми городскими. Как не станут говорить? Да просто рты захлопнут и молчать будут, будто у них за зубами по литру воды.

Во-вторых, нашли они там чего-то. И что? Что дальше-то? Кто же расскажет из местных, чья эта безделица? Никто! Будут бабы судачить на скамейках, возле магазина и у колонки, охать станут, стонать, головами покачивать. И все! Дальше этого очерченного треугольника: магазин – колонка – скамейка – информация не пойдет.

В-третьих, установили, что Маня кого-то там ободрала, что под ногтями у нее чья-то кожа осталась. Что с того-то? Она с утра раннего могла ободрать кого-то, бабы местные – они горячие, чуть что, в драку кидаются. Могла и Маня кого-нибудь цапнуть. И Степаныч даже знал, куда с таким вопросом двинет, как все эти профессионалы в город отчалият. Двинуть-то он двинет, и вопросы задавать станет с пристрастием, и почти уверен в том, что девчушка та симпатичная окажется расцарапанной.

Но ведь совсем не факт, что она виновата в Маниной смерти. А Степаныч, пока не уверится в этом или в обратном, молчать будет. На кой черт ему девку в чужие алчные лапы отдавать, когда она, может, и не виновата ни в чем.

– Вам незнакома эта вещь?

Этот молодой бездетный опер так неожиданно возник перед участковым и так резво сунул ему под нос крохотный пластиковый пакетик с какой-то золотой букашкой, что он вздрогнул от неожиданности. Вздрогнул и тут же взгляд отвел, только головой отрицательно помотал.

Ему, честно-честно, незнакома была эта вещица. И понять вообще было невозможно, что это – то ли брошка, то ли подвеска, то ли вообще часть от чего-то большого. Затертая какая-то вещь, старая. Может, кто сто лет назад тут в траве эту безделицу обронил, а Маня, когда падала, в горсть-то ее вместе с травой и сцапала.

– Нет, незнакома, – промямлил Степаныч и даже чуть попятился, так недоверчиво смотрел на него молодой оперативник. – Да точно говорю, не видал никогда я такой ни у кого. Может, она тут на берегу давным-давно лежала. Может, ее тут кто сто лет назад потерял.

– С чего так решили? – Данила теперь уже к своим глазам поближе поднес пакет с уликой.

– Да больно старой выглядит вещь эта. Блеска даже никакого нет золотого. Коли новый-то кулон, он как сверкает. А тут...

Отстал от него оперативник, слава богу. Отошел к своим и начал там о чем-то шушукаться и руками махать при этом. И все им под нос пакетик этот совал. От него отмахнулись, Степаныч точно видел, что отмахнулись от парня. И неожиданно остался доволен.

Так ему и надо, зазнаваке этому молодому. Еще молоко на губах не обсохло, а туда же – его жизни учить вздумал. Когда ему пить можно, а когда нет. По какому случаю китель надевать, а когда нельзя. А он и проснуться-то еще толком не успел, когда по звонку Маринки из магазина с койки прыгнул.

Та позвонила, верещит, носом шмыгает, пойми тут! С трезвой-то головы не разобрать, что к чему, а уж с похмелья и подавно.

– Машку, Степаныч, Машку нашли на берегу, – орала ему прямо в ухо Маринка, разбивая ему тем самым голову на хрустящие осколки.

– Какую Машку, Маринка? Как нашли? С кем?

– Ни с кем, ты чего, Степаныч?! – взвизгнула тогда Маринка и зашла таким отборным матом, что его пот прошиб.

Маринка никого не стеснялась, применяя непечатные выражения, плевать ей было на представителей власти, на детей, на стариков. Нужно объяснить доходчиво, она и объясняла, как могла.

Странно, конечно, но Степаныч мгновенно понял, о чем и про кого она говорит. Схватил, что на стуле возле кровати лежало, напялил на себя. По привычке за кителем в шкаф полез, потому как выход из дома планировался по работе не из блажи какой. Сына, спящего на соседней койке, потрепал по макушке, шепнул, что он ненадолго, и ушел. Это потом уже сообразил, когда городские умники подъехали, что выглядит нелепо. А поначалу не до того было.

Как Маню увидел в траве мертвую, тут уж не до того стало, как он выглядит...

– Что будем делать? – Парень из прокуратуры подбоченился, глянул на участкового требовательно. – Как станем народ опрашивать?

Языком! Как еще народ опрашивают!

Еле-еле удержался, чтобы себе под ноги не сплюнуть.

Ну до того франты, до того кичливы! Когда в отдел приходится ездить с бумагами, по вызову или так, по какой другой нужде, Степаныч дожидаться не мог, чтобы оттуда уехать побыстрее. Неуютно ему было среди городского люда. Очень неуютно. Странно и удивительно, что сынок его нашел себя среди них. Вполне счастлив, о женитьбе начал поговаривать. Опять же на городской! Как же с ней жить-то, если с ней говорить невозможно!

Деревенские-то бабы, они много проще и незамысловатее. Некогда ей потому что бездельем замороченным заниматься да словоблудием телефонным. Ведь, слышал, часами могут сидеть на телефоне, часами!

– Что вы предлагаете? – сделал внимательное лицо Степаныч, хотя давно уже и слушал их вполуха, и не смотрел почти в их сторону, размышляя о своем.

Ему вот, к примеру, баню сегодня надо сыну организовать, тот очень просил. А его – Степаныча – баня никак не годилась для того, чтобы там мыться. Сам-то он как-никак мог, а вот сыну негоже. Опять же мяса надо где-то достать, сынок обещал шашлыком побаловать по какому-то невероятному рецепту. А к мясу коньячку надо бы. И не какой-нибудь паленки, которой у Маринки полки все заставлены, а путевого – марочного. Который сын привез ему в подарок, они еще с вечера уговорили. Теперь его очередь настала выставляться. А это значило, что в город надо ехать. А как тут уехать, коли городским вздумалось опрос населения вести.

– Я? – Прокурорский недоуменно взглянул на участкового. – Предлагаю согнать всех в здание администрации и...

– Ишь ты! – обиделся за односельчан Степаныч. – Согнать! Слово-то какое вы применили, молодой человек! Не в оккупации, чай, мы сегодня. Не те времена, чтобы народ, будто стадо, согнать можно было.

– Ну, извините, извините, – поспешно затараторил тот и оглянулся на своих, ища поддержки, а те вдруг поочередно отвернулись. – Ну а ваши какие предложения? По домам ходить?

– А почему нет?

– Так знаете, сколько времени это займет?!

– Знаю, – кивнул участковый. – Если на всех на вас поделить дома, то... То на каждого дворов по десять придется. Это часа четыре, не меньше. Это если с писаниной.

– О господи!!! – закатил глаза прокурорский и заходил, заходил по берегу. – У меня жизнь, можно сказать, только налаживаться начала, а тут это!!!

И таким небрежным и оскорбительным показался жест не натруженной ладони молодого парня в сторону остывшего уже тела, что Степаныч не выдержал и повысил голос:

– У вас она только налаживается, молодой человек! А у нее вот уже закончилась!!! И закончилась весьма трагично! Она лежит вот тут молодая, красивая и мертвая, а... А дочь ее даже еще и не знает, что матери нет в живых!

– А что, для ее дочери привычное дело, что мать не ночует дома?

Это снова молодой бездетный опер к слову прицепился. Ну до того противный, до того въедливый.

– Я не знаю, привычное это дело или нет в их семье, – огрызнулся Степаныч и двинул вдруг по тропинке вверх, успев пробормотать: – Думаю, что я тут больше не нужен. Пойду с народом говорить.

– Похмелится сейчас на старые дрожжи, и все, пропал. Одним человеком в нашей команде меньше, и дворов на душу больше, – прошептал с горечью Толик. – Плакал мой балкон. Тамарка с меня теперь три шкуры снимет, заставит завтра после работы рухлядь на помойку таскать.

– Не стоит обзаводиться рухлядью, не стоит ее беречь, чтобы не от чего было потом избавляться, – задумчиво глядя в след участковому, пробормотал Данила и вдруг тоже заспешил за ним. – Пойду я, ребята, поговорю с дочерью погибшей. Что-то ее не видать. Нашли ее, нет? Куда она запропастилась? Обычное, что ли, дело у них с мамой не ночевать дома и шляться невесть где? Чего тогда участковый тут утверждал, что приличная семья...

Глава 5

Она походила по неубранной комнате, трижды споткнулась о перевернутую табуретку, но и не подумала ее поднять. Рассеянно рассматривала ее некоторое время и перешагивала со вздохом. Возле развороченной кровати стояла долго, все думала, думала, думала.

Что из всего вчерашнего выйдет, а?! К чему приведет? И не заведет ли ее так далеко, что повернуть назад она не сумеет? Да что там повернуть назад, взгляд себе за спину бросить не получится.

А она так не хотела, не могла, не любила. Так именно – это не про нее. Она вольная и ни для кого, и ни про кого!

Посмотрела на руки, повертела их так и так. Три ногтя сломано. Кисть левой руки расцарапана, но не сильно. Не очень сильно. Не так, как лицо.

Вспомнив про изуродованное лицо, она горько всхлипнула и снова поплелась к зеркалу.

Оно сегодня ее словно магнитом манило – зеркало это чертово. Уже вдоль и поперек изучила все глубокие царапины от левой брови через переносицу, по правой щеке и до подбородка самого, а все равно смотреть манило.

Ну что могло измениться за последние десять минут? Что? Заросли они, что ли? Сделались мельче, менее заметны? Нет, нет и нет! Такие раны долго затягиваются, она знала это точно. И отметины могут остаться на лице, а вот тут – на носу особенно глубоко вонзились ее ногти. Точно не зарастет. Точно шрам останется. У нее на правом боку уже отметина такая имела. Правда, не от человеческого, от собачьего когтя.

В раннем детстве бежала от бродячей собаки, упала в пыль, и собака, прежде чем ее взрослые палкой отогнали, успела когтем по нежной детской коже проехаться. И проехала-то вскользь, а шрам все равно остался. А за переносицу ее сука эта серьезно цапнула. Почтище той злой бродячей псины цапнула.

– Гади́на! Гади́на ползучая!!! – шепнула она с обидой зеркалу и заплакала.

Слезы тут же залили глубокие царапины, сделалось очень больно, и она побежала к умывальнику. Хватала горстями ледяную воду и плескала себе в лицо. Помогало плохо. Тогда, пустив воду на полную катушку, подставила голову под струю. Пускай мокнет дурная голова, пускай ей станет холодно, пускай не мучает ее боль и раскаяние.

А она раскаивалась?

Выпрямившись, она оперлась ладонями о край умывальника и задумалась.

Она раскаивалась? Кажется... Кажется, да. Только вопрос – в чем?!

Было ли ей жалко эту гадину, бившуюся в истерике и вонзающую от гневной беспомощности свои длинные ногти в ее лицо? Было ли ей ее жалко настолько, чтобы пожалеть о том, что она с ней сделала?

Нет, кажется, нет, дело не в этом.

А в чем тогда?

Наверное, раскаяние ее касалось чего-то еще. Чего-то того, что произошло много раньше вчерашнего вечера, минувшей ночи. Да, так и есть. Она раскаивалась в том, что...

Да плевать! Что случилось, то случилось! Если ей и жаль, то только саму себя. Больше она роскоши такой не подарит никому. Давно зарок дала – жалеть и любить только себя и никого больше.

В окошко терраски вдруг громко и настойчиво застучали. Она вздрогнула и прислушалась, боясь шевельнуться. Обнаруживать свое присутствие в доме не хотелось. Увидят лицо, начнутся вопросы, домыслы, сплетни. Не нужно ей этого ничего. Пока не нужно. Хоть немного бы ей времени дали раны зализать. Потом, может, солнцу в огороде лицо подставила бы, что-

то затянулось бы, что-то загорело, что – нет, припудрилось бы. Нет, лезут и ногами, и рогами в дом.

– Татьяна, Татьяна, открывай! Я знаю, что ты дома!

Участковый! Уже все узнал! Пришел протокол составлять!!! В груди все набухло как-то, потом прокатилось странной такой волной меж лопаток, высыпало ледяным потом.

Что делать-то?! Не открывать? Так Степаныч настырный, не уйдет. Дверь сломает, если понадобится. А ему, судя по настойчивым выкрикам, понадобилось.

Да ведь еще и сынок к нему пожаловал. Вчера с вечера они кутили, у Степаныча окна долго были открыты, и шум застольный из окон вдоль улицы раздавался. Стало быть, с похмелья участковый их. А похмельем тот если и страдал редко, то крепко маялся. И на пути ему в такое утро лучше было не попадаться. А если уж попался...

Надо открывать, дверь с петель снимет точно.

Она откинула дверной крючок на двери террас-ки, отступила в тень, сразу отвернулась и пошла в дом, буркнув: «Проходи!»

– Чего это ты от меня физиономию-то воротишь, Вострикова? – попытался зайти сначала с одного, потом с другого бока участковый. – Что-то не так?

– А то ты не знаешь! – фыркнула Татьяна и повернулась. – На, любуйся!

Тот охнул, хрюкнул, осел сразу по стене. Хорошо лавка, от бабки покойной оставшаяся, возле двери комнаты стояла, а то бы на пол свалился Степаныч.

– Дай воды, Танька, а то точно помру, – простонал он и за сердце схватился. – Что же вы со мной делаете-то, а, бабоньки?! Что же вы учудили-то, а?!

Татьяна метнулась к умывальнику. Пустила воду, накатила солдатскую алюминиевую кружку до верха. Сунула, вернувшись, ее в руки участковому. Подождала, угрюмо рассматривая пожилого мужика в упор, пока тот напьется, потом спросила:

– И чего это мы учудили? И кто мы?

Стоять она намерена была до последнего. Если уж кто и в пострадавших, то это она.

– Чего учудили! Она еще спрашивает!!!

Степаныч допил воду и мотал теперь ее кружкой из стороны в сторону, того гляди, в нее запустит в сердцах. А он злился, еще как злился. То ли башка болела у него с похмелья, то ли не рад был, что работать воскресным утром ему приходится, и это тогда, когда к нему сын приехал. То ли физиономия ее расцарапанная ему не понравилась.

А с чего, спрашивается? Ему-то что за печаль? Он же не сватать к ней собственного сыночка пришел, а судя по вступлению гневному – по делу.

– Вы чего это с Маней Углиной делить вздумали, а?! Вы чего наделали, спрашиваю?!

Знает! Полыхнуло в голове и тут же румянцем вдавило по щекам. Да с такой силой, что казалось, царапины трещат и расползаются.

– Мне с ней делить нечего, – пробормотала она неуверенно и отвернулась к окошку от него.

– Да?! Нечего?! А Игоря?

– Какого Игоря? – начала было Татьяна неуверенно, но тут же умолкла и голову опустила.

Врать Степанычу смысла не было. Он все и про всех тут знал. В их деревне и жилось-то тихо и спокойно только благодаря ему. Вовремя и умело он пресекал всякого рода беспорядки. С Машкиным мужем только промашка и вышла. Да и то болтали, что Степаныч обо всем дознался, просто не стал этого человека под суд отдавать. Или не позволили ему.

А кто был тот человек – для всех до сих пор загадка.

– Какого Игоря! – передразнил ее Степаныч со странной горестной интонацией. – Что же вы наделали-то, бабы?!

– Подрались мы, Степаныч, просто подрались! – вспыхнула она.

Чего пристал, в самом деле?

– Просто подрались, говоришь...

Он так громыхнул алюминиевой кружкой о стену, что в голове звон пошел. Будто не в стену, а в нее запустил он кружкой той.

– И что за причина была драки той, Таня? Объясни мне, идиоту! Что заставило тебя, молодую, красивую, перспективную девушку, без пяти минут секретаршу крупного концерна в городе, схватиться насмерть с женщиной, которая тебе почти в матери годится?!

– Насмерть! – фыркнула она и покосилась на Степаныча, сидевшего на ее скамейке с растопыренными коленками и в залитой водой рубахе. – Скажешь тоже! Повздорили просто, лицо она вон мне расцарапала... Какой из меня теперь секретарь крупного концерна! Заживать станет месяца три... Ну да, да, не смотри на меня так! Из-за Игоря я сорвалась! А чего она к нему прицепилась-то?! Чего прохода не давала?! Ее собственность он, что ли?! Он ничей между прочим. Он позавчера днем ко мне с цветами, а она потом заявляет... Тварь!

– Что заявляет?

– Что он ей предложение делать собрался! Придумает тоже! – Татьяна рассмеялась зло и натянуто. – Такого насочиняла, умереть не встать! Тот ни сном ни духом, а она кольцо ждет. С катушек совершенно прыгнула. А стоило мне рот открыть и правду сказать, как скаканет на меня, как по лицу когтищами своими полоснет. Тварь!

– Это я уже слышал, – почти шепотом произнес участковый, шлепнул себя по коленкам и кивнул вдруг в сторону окна, в которое она бездумно все время смотрела. – Не видала, гостей сколько к нам с утра понаехало?

– Ну, видела чужие машины и что?

– А что в машинах тех милиция приехала, не видела?

– Нет. Мне некогда по окнам пялиться, я от зеркала не отхожу, – пожаловалась Татьяна и, как заговоренная, снова поплелась к зеркалу.

– А зря ты, Таня, внимания на них не обратила. Зря!

– Чего это? – Она снова тронула переносицу, тонкая пленка на ранке тут же снова принялась кровоточить. – Черт! Да что же это такое-то?! За что мне такое наказание... Чего, спрашиваю, мне на них таращиться? Родня, что ли?

– А потому что приехали они по твою душу, кажется, моя милая. По твою грешную, непутевую душу, гражданка Вострикова.

– То есть?!

Первый раз за минувшие двенадцать часов она забыла про свое обезображенное глубокими царапинами лицо. Первый раз ей удалось отвлечься. И кто бы, вы думали, помог ей в этом? Участковый!

Павел Степанович Бабенко – их участковый, которого она помнила, кажется, с рождения самого. Она привыкла к нему за столько лет, как к указателю на дороге с названием их деревни, куда всегда сворачивал рейсовый автобус. Как к почтовому отделению за зарешеченным окошком с тремя чахлыми геранями вдоль подоконника. Как к горластой продавщице Маринке, не снимающей клетчатого байкового халата ни зимой, ни летом. Как к собственному крыльцу с подгнившей второй ступенькой, держащейся на двух гвоздях без шляпок. Как...

Господи, да о чем это она!!!

Она привыкла к нему, как к чему-то вечному, неизблемому и... безопасному! Он был им всем отцом, братом, сватом, помощником и духовным наставником. Но никак не милиционером, способным назвать кого-то казенным и опасным словом – гражданин. Он ведь этим словом только что открестился от нее, так? Он воздвиг меж собой и ею непреодолимую преграду! И все из-за кого?! Из-за Машки чокнутой, которая...

Так, а с чего это такой сыр-бор? Городская милиция приехала, участковый печальнее деревенской плакальщицы, с чего все так?

– А что случилось-то, Павел Степанович? – Она тоже решила быть официальной, коли он задал такой тон. – Почему по мою душу? И почему из города?

– Потому что получается, что убила ты Машку Углину, гражданка Вострикова, – প্রশамкал едва слышно Степаныч и глянул на нее, болезненно сморщив лицо. – Что же ты наделала-то, Танька?! Что натворила-то?!

– Убила!!!

Она отпрянула от зеркала, пробежалась по разоренной вчерашним бешенством комнате, снова перепрыгнула через табуретку, но и не вздумала поднять. До нее ли сейчас! Потом резко встала посередине комнаты, развела руки в стороны, замотала головой.

– Степаныч, объясни толком, что случилось, я ничего не понимаю! – пропищала она голосом маленькой десятилетней девочки, которая не раз бегала к нему за помощью, если мальчишки соседские обижали. – Как убила?!

– У тебя надо спросить, Татьяна, как? Я знаю, что ли! Ты убивала, тебе и ответ держать.

– Я не убивала! Степаныч, ты что, меня не знаешь?! Да я всю жизнь на твоих глазах, да я на твоих коленках выросла, ты чего?! Я – убийца!!! Да ты что?!

В голове вдруг застучало, да больно так, хоть плачь. Даже лицо перестало тревожить. Пока даже не было понимания нелепой чужой смерти. А она, болтает Степаныч, случилась будто бы. И жалости к несчастной не было пока. Сейчас она даже затруднилась бы ответить, что чувствовала.

Растерянность. Слабость. Страх.

И заступиться на этот раз за нее было некому. Родителей уже три года как не было. Степаныч тут вот прямо, на ее скамейке сидя, откестился от нее. Обвиняет в чем-то страшном и смотрит ужасно так, непримиримо и неверяще.

– Я не убивала никого, и ты это знаешь!

– Знаю??? – зашипел он вдруг и закашлялся, насадив горло непривычным для себя клетотом. – Да я уже ничего про вас не знаю, дуры вы чертовы! Спокойно все было в деревне. Жили хорошо, мирно. Сроду дворов не запирали, а тут убийство!!!

– Уже было в нашей деревне убийство, – надув губы, напомнила Татьяна. – Забыл?

– Ничего я не забыл! Только тот человек, которому башку дурную проломили, сам напрашивался. Он горя много кому принес, а... – Степаныч снова ударил себя по растопыренным коленкам, обтянутым тренировочными штанами. – А Маня-то кому дорогу перешла? Кому?

– Не знаю. – Таня закусил губу и отвернулась.

– А я знаю! Тебе! И каждый в деревне на тебя пальцем покажет, коли у них спросят. Все скажут, что мужика вы не поделили!

– Ну не поделили, и что с того?! Убивать, что ли, за это?!

– Вот именно, Татьяна, вот именно! – строго и назидательно проговорил Степаныч и начал медленно подниматься со скамейки, оставленной Татьяне в наследство бабкой. – А ты, получается, убила.

– Не убивала!

– А кто убил? Кто?!

Павел Степанович Бабенко так резво подскочил к ней, так профессионально крутанул ее за локоток на себя, что сам диву дался: откуда в его страдающем похмельной немощью организме такая прыть.

– А ну смотреть на меня, дура! – пророкотал он, хватая Таню за расцарапанный подбородок. – Смотреть на меня и отвечать!

– Чего отвечать-то, Павел Степанович? – Татьяна испуганно моргала и даже не пыталась вырваться, хотя подбородок ныл и пощипывал.

– Когда ты с ней на том берегу пересеклась? Отвечай! Смотреть мне в глаза!

– На каком берегу? Не была я ни на каком берегу, – залопотала она, не отводя глаз. – Она ко мне домой примчалась как ненормальная. Начала орать: где он и все такое...

– Что все такое? Что?!

– Да... Да цветы мне Игорек подарил. Просто так подарил. Сказал, что день ангела мой был. А был он или нет, не знаю. Может, он просто предлог искал, чтобы подарить мне розы эти.

– Где это он розы-то взял?

Степаныч тут же начал перебирать в памяти все деревенские палисадники. Не было, хоть убей, в это лето ни в одном из них роз. Какие зимой не вымерзли, летом под палящим солнцем погорели. Тут поливай не поливай, природу не обманешь.

– А я знаю, где он их взял! Я что, спрашивать стану, где он розы мне доставал? Чудные вы...

– Кто это вы?

– Да Машка тоже прицепилась, где, говорит, Игорек розы тебе взял? Говорю, пойди и спроси.

– Пошла?

– А я знаю? – Татьяна осторожно двинула подбородком, пытаясь высвободить его из заскорузлых пальцев участкового. – Может, и пошла, но не сразу. Для начала она тут все перевернула вверх дном. Кидалась, как собака. Лицо вон мне расцарапала.

– Видал кто?

– Чего видал? – Пальцы с лица ее он убрал, но за локоток продолжал держать и время от времени за него ее подергивать.

– Как она прибежала к тебе, как уходила? Кто-нибудь видел? По улице там проходил или напротив на скамейке сидел?

Он сейчас изо всех сил старался наскрести ей алиби хоть на какое-то оправдание, хоть на самое крохотное, чтобы было ему за что зацепиться. Чтобы умные ребята с казенными холодными глазами и равнодушными лицами не схватили ее уже сейчас и не отвезли в город. Ему ведь до слез почти жалко было эту дуреху, оставшуюся в неполные семнадцать своих без родителей. Бабка какое-то время еще потянула, а потом и она оставила Татьяну, осиротив окончательно. Было ей тогда...

Точно, пары месяцев до восемнадцати не хватало. Он тогда хлопотал за нее, в училище устраивал, чтобы хоть к какому-то ремеслу приобщить. Выучилась на секретаря, компьютер неплохо освоила, печатать бегло научилась. На работу вон должна была пойти скоро. А тут такое! Теперь не то что на работу ее не возьмут, в тюрьму бы не загремела.

– Степаныч, ну кто мог в это время сидеть на скамейке? – фыркнула Татьяна. – Сам знаешь, что старики напротив в семь вечера спать ложатся. А она примчалась ко мне... погоди, дай вспомнить... Почти в девять, кажется.

– Ну! Девять время детское. Народу шляется полно. Что, так никто и не видел, как Машка к тебе бежала?

– В том-то и дело, что она огородами пришла. И приперлась ко мне с задней двери. Она почти всегда открыта у меня, а с терраски я дверь запираю, точно помню. Я даже испугалась. Как раз кофту надевала. Рукава надела, голову только сунула, натягиваю, а она стоит передо мной и ухмыляется. Куда это, говорит, намылилась?

– Перепугалась? – догадливо хмыкнул участковый, вдруг нагнулся, не выпуская Татьяну из рук, поставил опрокинутую табуретку нормально, усадил ее на нее. – А куда, в самом деле, ты собиралась-то?

– Никуда! Просто одевалась. Что мне, по хате голой блуждать? – фыркнула Татьяна и глаза отвела.

Врет! Внутри у Степаныча зануло. Врет девка, а почему врет? Он же на самом деле ее на коленках качал, когда она еще под стол пешком ходила. Он тут, считай, каждого ребенка на

своих руках держал. И все воспитывал, по голове поглаживая. Все уму-разуму учил. Неужели проглядел эту вихрастую цыганочку? Неужели испортиться смогла, пока он бумаги учился длинные и умные строчить, отписываясь для начальства?

– К нему собиралась? К Игорю? – подсказал Бабенко и покачал головой. – Ты не понимаешь, Танюша, куда влипла! Просто не понимаешь! Сейчас я с тобой говорю строго, но вежливо. А те вон ребята... – он указал пальцем за окно, – сейчас ходят по домам и ведут опрос жителей. Дойдут и до тебя. Увидят твою физиономию расцарапанную и в тот же миг на ручках твоих браслеты защелкнут.

– Почему?! – Она уставилась с испугом в окошко.

– Потому что эксперт ихний под Машкиными ногтями кожу обнаружил. Малый дотошный, грамотный, сразу определил, что не бумага под ногтями-то ее, не каша, не древесина, а скорее всего кожа человеческая. Видать, на делах такого рода собаку съел. Оно и понятно, дурака-то не пошлют... Так вот тот умник пока не установил, чья эта кожа. Но стоит им всем взглянуть на тебя...

– А что, если лицо расцарапано убитой, то это значит...

– Это значит, что ты первой попадаешь под подозрение, дорогая. Потом могут случиться и вторые, и третьи подозреваемые, но вот первой, несомненно, будешь ты! – Степаныч откачнулся от пришибленной девушки, обошел табуретку, на которой она сидела. – Подрались вы, а дальше что?

– А ничего. Ушла она, – едва слышно ответила Татьяна, потирая с силой ладонь о ладонь. – Так же ушла, сука, огородами. Так что никто не видел, как она пришла, как ушла. И меня не видел никто. Что же будет-то, Степаныч?! Что будет?!

Он помолчал, подумал. Снова внимательно глянул за окошко. Пока никакой суеты. То ли передумали по домам ходить, то ли правда всех в правление согнали. Чего тогда в Танькин дом не идут? Нет, скорее всего с другого края деревни начали, а ее дом с самого края. Кстати, в противоположной стороне от того злополучного пруда, на берегу которого помереть было суждено Мане.

– Ты это, слушай, чего спросить хочу, Тань. – Павел Степанович потюкал пальцем по ее голой ключице. – А где бабкин крест-то? Продала, что ли?

– Нет, вы что!

Она вскочила с табуретки, метнулась к комоду, выдвинула верхний ящик, достала маленькую шкатулку, хохломой расписанную, выдернула оттуда крупный золотой крест, цепочка тут же сверкающей змейкой скользнула сквозь ее пальцы, заметалась из стороны в сторону.

– Вот он!

– А чего не носишь?

– Так... Лето. Жарко как-то. Да и...

– Слушай, а такой вот безделицы золотой у тебя не было?... Чего-то не припомню, видал на тебе, нет... – он указательным пальцем вывел запятую в воздухе. – Маленькая такая, с глазком зелененьким? То ли у тебя видел, не помню, то ли у кого еще?

– Нет, Павел Степанович, у меня точно не было, – произнесла Татьяна с облегчением, убрала крест с цепочкой обратно в шкатулку, вернулась на табуретку, уселась, как на приеме у врача. – Моего всего богатства – один крест вот этот. Да бусы из речного жемчуга.

– А что же к букету-то твой знакомый никакой безделицы не приложил? – игриво пробормотал он и погрозил ей пальцем. – Знаю я вас, современных девушек, с пустыми руками к вам не подходи.

– Ладно вам, Павел Степанович, – надулась Таня, горделиво потрянула черными кудряшками. – Я не такая! Я чувствами не торгую! И денег за них не беру!

– Понятно... А у кого, может, видала такую вот чертовщинку? – Он снова вывел в воздухе крохотную запятую. – С зеленым глазочком маленьким, а?

– Нет, не видала, – она подумала, наморщив лоб, помотала головой. – Точно не видала. Да и кто станет такую мелюзгу покупать у нас? Маринкина дочь из Турции по килограмму золотые кулоны привозит. У учительниц наших один бисер на шеях. Кто еще?... Машка сама сроду золота не носила и Сашка ее тоже. Кстати... А она знает?

– Что? – прервал Степаныч свои размышления.

– Она знает, что мать ее... Ну... Что она померла? – Последнее слово далось ей с трудом, она выговорила его почти шепотом. Передернула плечами, как в ознобе. – Страх-то какой! Сашка теперь совсем одна!..

– Да, одна, – эхом отозвался участковый, посмотрел на нее задумчиво, потом решился все же: – Тань, тебе есть где спрятаться?

– Как это?!

Ее черные глазищи глянули на него, как глядели давно в детстве, когда ей позарез нужна была его взрослая помощь. Сердце у него сжалось.

– Спрятаться тебе надо, Тань. Пока хотя бы... Пока у них не появится настоящий подозреваемый. Они ведь не станут разбираться, из-за чего ты с ней повздорила и в какое время... Увидят твое расплосованное лицо и сразу сочтут тебя преступницей. Когда-то еще разберутся!

Он с силой ударил кулаком в стену, понимая, что сам совершает должностное преступление. Укрывательство или как это называется на языке правоохранительных органов?

Да, наверное. Наверное, так...

Да, он именно и собирался укрыть Татьяну от посягательств городских сыщиков. И преступлением это было с его стороны или нет, в настоящий момент ему плевать. На его языке это называлось иначе. Он просто хотел ее защитить. Ото всех умников, которым невдомек, что такое жалость к осиротевшему ребенку. Да и что такое – просто жалость к ребенку – им невдомек. Потому что своих детей на руках не держали.

– А где? Где мне спрятаться, Степаныч? – Ее вдруг начало трясти.

Все сразу увиделось ею очень серьезным и опасным.

Это не пара кровоточащих царапин вдоль щеки и на переносице. Это не перевернутая табуретка, не развороченная кровать. Это не скандал с соседкой, приревновавшей к ней мужчину, который никому и не принадлежал, если уж по-честному. Это...

Это чья-то смерть – страшная, холодная. Это чьи-то обвинения в этой смерти, от которых не отчиститься. Это тюрьма, в которую ее могут посадить, а за что?!

– Я не убивала ее, Степаныч!!! – прошептала Татьяна, губы ее подрагивали, в глазах стояли слезы. – Ты веришь мне, веришь?! Я не убивала!!!

– Верю. Но спрятаться тебе все равно нужно. Я верю, они... – его палец снова ткнул в сторону ее окна, – они не поверят.

– Что делать то?! Не у тебя же мне прятаться?!

У него было нельзя, он уже об этом думал. К нему могут в любой момент напроситься на чай, а то и просто лицо с руками сполоснуть ледяной водой. Придут, понимаешь, а у него там Татьяна Вострикова собственной персоной – здравсте.

Нет, к нему нельзя. По соседям ее тоже не спрячешь. Кто знает, кто и как себя поведет, когда к стене припрут, начав пугать ответственностью за сокрытие преступников и за дачу ложных показаний. Это он раньше в каждом был уверен, теперь нет. Теперь, когда Маню убитой увидел в траве на берегу, уже ни в чем и ни в ком не уверен.

– Вот что, дорогая, – подумав, изрек участковый. – Я сейчас уйду огородами. Ты за мной запри, окна занавесь и никому не открывай.

– Ага! А если стучать станут?

– Вот дуреха, а! Я же ясно сказал: никому не открывай! Никому!!! Они постучат, постучат да и уедут. Дверь ломать тебе никто не станет. Мало ли ты где можешь быть. Уехала, понимаешь, на работу устраиваться.

– В воскресенье-то? – недоверчиво хмыкнула Татьяна.

– И что! Кому какое дело? Нет тебя дома. Все, я пошел, запирайся.

Павел Степанович вышел из комнаты в темные сенцы, но к терраске не пошел, повернул налево к двери в огород. Татьяна послушно вышла следом. Он подождал, пока она запрет терраску с улицы, повесив большой замок. Понаблюдав, никто ее не заметил за этим занятием. Вроде никто не глазел, и то хорошо.

– Все, запирайся, – напоследок повторил он, выбравшись из темных сенцев в огород. – И помни: никому не открывай, никому!

– А тебе?

– Вот бестолковая, – помотал он головой. – Я же тебе говорю: никому, кроме меня!

– А ты придешь? Когда, Степаныч? – Таня вцепилась в короткий рукав его рубашки. – У меня даже хлеба дома нет, собиралась сегодня идти в магазин.

– Принесу, принесу я тебе хлеба, – пообещал тот, с тоской вспомнив про запланированную баню и шашлык. – Только... Приду, когда стемнеет. Сиди как мышка, и ни гугу.

– Поняла, никому не открывать, кроме тебя. Сидеть тихо как мышка. А сколько сидеть-то, Степаныч? – спохватилась Татьяна, когда участковый уже ходко затрусил меж ее грядок с картошкой.

Он только рукой махнул, даже не повернулся. Слышал только, как дверь ее захлопнулась и с лязганьем задвинулась дверная щеколда.

Глава 6

– Я бы уже и съел чего-нибудь, – простонал Толик, положив ладонь на урчащий живот. – Позавтракать, в отличие от некоторых, не успел, а время к двум часам дня уже. Что скажешь, Данила?

Данила только что вернулся из очередного деревенского дома, где, как и полагается, никто ничего не видел и никто ничего не знал. Он срывался, забывался и орал уже на бестолковых граждан, не желающих сотрудничать со следствием.

– Марию-то Углину хотя бы знаете?! Или тоже незнакомы?! – надрывался он праведным гневом.

– Марию-то... Машу, как же, знаем, хорошая женщина, не гулящая, не пьющая, не курит, дочку одна воспитывает.

– Ну! И что еще сказать про нее можете? С кем она дружбу водила? С кем встречалась?

– Как это встречалась? – фыркали бабки с недоумением. – Мы тут за день раз по десять друг с другом встречаемся...

Получалось, что личная жизнь Марии Углиной была для всех секретом. Никто не знал о ее взаимоотношениях с мужчинами, если таковые вообще имелись. И никто представления никакого не имел, для кого Мария в тот вечер надела белую юбку с яркой кофточкой и туфли на каблуках.

– Мало ли... – пожимали они плечами. – Может, в город собралась куда, ей там свекровь квартиру оставила, может, туда намылилась.

У остальных, кто ходил с ним параллельно по деревенским дворам, ситуация была не лучше.

– Молчит народ, хоть тресни! – шлепал себя по бокам молодой парень из прокуратуры. – То ли боятся кого, то ли живут по принципу – моя хата с краю. Что ты будешь делать?!

– А где наш славный малый Степаныч? – вдруг так кстати вспомнилось Толику.

И все сразу замолчали, принявшись оглядываться.

Участковый пропал. С ними по дворам он не ходил. Дома его не оказалось. Толик туда рванул было в надежде, что обломится котлетка какая-нибудь или на худой конец бутерброд с колбаской или сыром, а там хозяина нету. Открыл заспанный отпрыск – холеный, сытый, даже спросонья выглядевший успешным и обеспеченным.

Тот самый сынок, догадался Толик, что напоил вчера папу до маеты утренней по случаю собственного приезда.

Так вот тот головой помотал и сказал, что отца нет. Как убежал с утра самого, так больше и не объявлялся.

– Странно, – надул тут же губы прокурорский, проворчал в спину эксперта: – Нечего было при нем откровенничать.

– А я-то при чем?! – поспешил обидеться тот. – Работаете, работаете, не считаясь с выходными, ты же еще и виноват! Нормально! Всем спасибо...

– На здоровье, – не желал сдаваться прокурорский. – Начали при нем уликами размахивать. О причинах смерти во всеуслышание заявлять.

– Так он же представитель местной власти, извините! – повысил голос эксперт.

– Вот именно! Местной! – поднял вверх палец малый из прокуратуры. – У них тут круговая порука! Вот где он есть, где?! Может, бегаёт по дворам и своих предупреждает.

– Каких своих, ну каких своих?! – поморщился Данила. – А мы ему кто?! Чужие, что ли?!

Леночка так на его звонки и не ответила до сих пор. Он уже не знал, что и думать. Орать хотелось во все горло оттого, что не понимал ничего, а понять очень надо было. Домой еще очень хотелось, да и покушать тоже не помешало бы. Позавтракать он тоже не успел, а бутер-

броды, что Леночка сунула ему у порога, уже давно съедены были. Еще по дороге они их с Толиком уговорили.

– О чем спор? – Участковый так неожиданно возник за их спинами, что кое-кто испуганно вздрогнул. – Есть что-то новое?

– Новое?... – Малый из прокуратуры гневно раздул ноздри и с неприкрытой брезгливостью осмотрел рубашу и штаны Степаныча. – Новые здесь мы! И вопросы наши для всех оказались новыми! Они, понимаете ли, Павел Степанович, если не ошибаюсь...

– Не ошибаетесь, – деловито покивал тот. – Павел Степанович я, местный участковый.

Он давно уже перестал стесняться своего непрезентабельного вида. А после того, как пришлось красться, будто вору огородами из Татьяниного дома, ему и вовсе стало не до этого.

Какая разница, в кителе он или без? Тренировочные штаны на нем или форменные брюки? Что это поменяло бы? Ничего! Маня Углина не ожила бы. У Танюшки лицо не зажило бы. И вчерашний вечер с ночью не прошли бы по другому сценарию.

Все уже случилось, и случившееся это было много страшнее проломленного черепа Машиного покойного мужа. Это убийство было не так хорошо спланировано, как в том давнем случае.

Оно было... Вот слово-то позабыл...

Ага, вспомнил! Оно было спонтанным! Точно!

Машиного мужа караулили долго. До гибели его раза три на него нападали из-за угла, да вырываться ему удавалось. С Машей же все было иначе. Она умирать не собиралась вчера. Она собиралась... замуж, как ни странно это звучит теперь. И собиралась выходить замуж за чужака. Тот лишь несколько месяцев назад поселился в их деревне. Человеком хоть и был скромным и тихим, но все равно был чужим. И с ним Бабенко еще разберется, еще доберется до него.

Маловероятно, конечно, что тот убил Машу. Не было причин, или, как принято говорить – мотивов, у того для убийства. Не походил он на вспыльчивого, гневного, нервного, неуравновешенного. А именно такой человек совершил страшное действие над бедной женщиной. Именно внезапно разгневавшись, вцепился в ее шею.

Володька-библиотекарь...

Вот кто не шел никак из головы участкового. До состояния ли своего гардероба теперь, когда этот пьяница может в тюрьму загреметь.

Он ведь огородами, огородами да из Танькиного дома в его дом пожаловал. Понаблюдав за тем, как молодой опер безуспешно пытается достучаться в запертую дверь. Как обходит дом по кругу, как уходит ни с чем. Выбрался из укрытия – а прятался он за кустами смородины с самого края Володькиной усадьбы – и полез к тому в дом через окошко летней кухни.

Он же знал все здесь, господи! Знал все досконально! И про окошко это, что легко выставлялось, знал так же хорошо, как и хозяин. Окошко выставлялось, проем позволял проникнуть внутрь летней кухни. А оттуда через никогда не запирающуюся дверь в хату. Таким вот образом Бабенко и попал в дом к Володьке-библиотекарю.

Заподозрил неладное он еще с летней кухни. Потому как бардак там царил такой, будто бесновался там накануне табун лошадей. Кастрюли с газовой плиты сметены на пол. Что-то пролилось из одной и подернулось уже бурой крепкой коркой. Макароны из другой кастрюли, размерами поменьше, по полу разбросаны. Чайник тоже с плиты сметен, крышка от него в углу самом. На столе следы одинокого пиршества: две пустые бутылки из-под водки, один стакан, одна тарелка, разбитая пополам, алюминиевая вилка, свернутая в дугу.

– О-го-ого! – покачал головой Бабенко и потеребил затылок.

Вообще-то он считал Володю-библиотекаря мирным и безобидным пьяницей. Тот всегда исправно ходил на работу. Даже если к нему за день и не придет никто, даже если и глаза у него с перепоя вчерашнего, словно у окуня замороженного, а изо рта разит так, что держаться

нужно на безопасном расстоянии. Никогда не прогуливал. Никогда не встревал в споры, склоки деревенские. Улыбнется тихой кроткой улыбкой и сторонкой так, сторонкой.

Машу любил, да. С первого дня, как приехал в их деревню, полюбил, кажется, и до сей поры любил. Любил ее так же тихо и мирно, как жил, без настойчивости, без натисков, сцен ревности. Мог цветы ей принести на Восьмое марта. На ферму всегда носил, не домой. Коробку конфет или торт к Новому году. На день рождения всегда дарил ей шарфики или косынки шелковые. Завистливые деревенские бабы судачили, что Машке впору ларек открывать, сколько у нее такого добра скопилось.

Она лишь отмахивалась и никогда не принимала Володьку-библиотекаря всерьез. Он это понимал и не настаивал. Ко вдовьей доле ее относился с уважением. А когда появился в их деревне молодой интересный приезжий, просто молча отошел в сторону и перестал носить на ферму свои скромные знаки внимания.

– Это ее судьба, – промямлил как-то он Степанычу в личном разговоре. – Я ему не конкурент. Да и полюбила она его, кажется.

И все! Никаких больше разговоров на эту тему, никаких признаков затаенной злобы и неудовлетворенных амбициозных порывов. Никто ничего подобного за Володькой не замечал.

Что же произошло вчера? Почему он вдруг снова запил, хотя перед этим держался уже два месяца? И ведь не просто запил, а бесился. И почему именно вчера, когда Маша погибла?

Входил к нему в хату Павел Степанович Бабенко с опаской. Не Володьки боялся, нет. Труп его обнаружить остывший побаивался. Мог ведь и опиться, запросто. Мог и убитым оказаться. Может, и не он это кастрюли по полу разметал, а кто-то еще. Тот, кто убил Машу, мог убить и Володьку. Может, они даже дрались...

Все эти страшные крамольные мысли терзали Павлу Степановичу мозг, пока он перешагивал порог Володькиной хаты, забравшись в нее через окно летней кухни. Пока искал его в бардаке домашнем.

Нашел! Живым нашел в собственной койке. Лежал тот, свернувшись клубком на голом матрасе, подушка валялась рядом с койкой, одеяло без пододеяльника там же. Спал тихо, без храпа.

– Эй! Проснись, проснись, Володя! – принялся трясти его участковый, разворачивая с боку на спину. – Проснись, говорю!

Тот чуть приоткрыл мутные глаза, что-то прохныкал жалобно, замахал на участкового руками и снова засопел. Вполне мирно и беззаботно засопел, даже улыбнулся, кажется.

А вот ему – Бабенко Павлу Степановичу – было не до улыбок. У него внутри все сначала замерло, а потом заходило противным жидким студнем.

Это где же этот мерзавец обе руки-то так поранил, а?! Костяшки пальцев сбиты до крови что на одной, что на другой руке. Глубокая царапина на боку от плеча до поясницы. И он расцарапан, что ты будешь делать! И что самым отвратительным и опасным показалось Павлу Степановичу Бабенко, так это что под ногтями у аккуратного всегда Володи-библиотекаря откуда-то взялась бархатная каемка из грязи. Он что же, руками огород копал? Вон и ладони все в грязи. А штаны, что тот успел снять и бросить на стул возле окна, красовались озелененными штанинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.